Иван А. Алексеев

Лебединое озеро

Повести и рассказы

Иван А. Алексеев
Лебединое озеро. Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28721471
ISBN 9785449021304

Аннотация

Размышления героя заглавной повести о добре и зле поддерживают звучащие в его душе чарующие мелодии П.И.Чайковского. Две «учёные» повести доказывают, что понять человека при желании совсем не сложно. Рассказы помогают устоять перед соблазном «лёгкой» жизни.

Содержание

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО 5
1 Супруги 5
2 В неспешных ритмах 25
3 Сказка 44
4 Апофеоз 57
ОТВЕТ БУХМАНУ 85
1 Бухман 85
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Лебединое озеро
Повести и рассказы

Иван А. Алексеев

© Иван А. Алексеев, 2018

ISBN 978-5-4490-2130-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

«Выйди из мрака, взгляни: весь в лучах, светится день!»
Р. Вагнер «Зигфрид»

1 Супруги

Театр строили долго и дорого. Пафосный проект, скроенный по столичным меркам, трудно укладывался в провинциальный масштаб. Часто замиравшую стройку, тянувшую из казны серьёзные деньги, завершали дважды: в последний год президентства Дмитрия Медведева и, спустя год, – при вернувшемся Владимире Путине. Посмотреть, каким получился театр, приезжали оба президента, что лучше всего говорит о масштабах преодоленных трудностей.

Первоначально выделенные на строительство средства закончились через два года активных работ. За это время на насыпанном земляном холме размером с футбольное поле уверенно поднялась, доминируя над городскими кварталами, громадная монолитная конструкция без окон и дверей, чтобы надолго замереть в недостроенном обличье, подвигнув местную публику наречь будущий храм искусства «рейхстагом». Ведущие на холм каскадные лестницы с ши-

роченными ступенями и площадками для фонтанов, строго очерченные стены размахнувшегося вширь и ввысь здания, арочные оконные проемы без стёкол, многочисленные башенки в готическом стиле на уровне частично собранной крыши были весьма красноречивы – чем не образ полуразрушенного немецкого парламента в победный для русских год?

Дополнительной причиной явления иноземного прозвища стало уничтожение парка, на месте которого развернулась строительная площадка. Хоть парк был старый, запущенный, с неухоженными, больными и пропадающими вязами, тополями и акациями, но родной, привычный и очень нужный в летний зной. И вот спасительную зелень повырубили, устроив пустыню с растущей посередине махиной, назвать которую русским словом не поворачивался язык.

Впрочем, ко всему привыкаешь, свыклись и с «рейхстагом». К тому же оказалось, что с прозвищем поспешили. В завершённом виде сурово величавое здание украсило и осовременило цепляющийся за землю район с рядами скучных пятиэтажек и старыми улицами купеческих когда-то домов из осыпающегося красного кирпича, перемежающихся с крепко осевшими в землю замшелыми деревянными развалюхами, частью порушенными и сожжёнными. Протяжённое, величественное, прочно укоренившееся, облицованное белой плиткой, с рядами стройных арочных окон, с двускатной мансардной крышей в виде ломаной поперёк в двух местах зелёной пилотки, с примыкающими к ней

по углам узкими башенками с четырехгранными острыми куполами, и, на четыре стороны света, другими башенками, приземистыми, широкими, под зелёными панамами, – здание это будило в душе разные мотивы, от имперских до родных татарских. Перестало ему подходить немецкое имя. Ну и ладно, что перестало, ну и хорошо.

Смирились горожане и с гибелью тенистого парка. На его месте теперь был новый – открытые солнцу и ветрам зелёные газоны, дорожки из тротуарной плитки и асфальта, окружающие театр и ведущие к нему. Вдоль дорожек – скамеечки. И радующая глаз подстриженная газонная травка, приготовленная для демократичных музыкальных мероприятий на свежем воздухе.

От городских улиц с вездесущими автомобилями парк огородился железным забором и охранниками в будочках на воротах. Вдоль границ сели рядком молодые липы и акации, с одинаково аккуратно подстриженными кронами-шарами, как будто одетыми на прямые, без веток, стволы. В одном из углов парка устроилась детская площадка с героями русских сказок – тут и избушка на курьих ножках с бабой Ягой, и гуси-лебеди, и водяной, и богатыри, и Змей-Горыныч, и сестрица Алёнушка с братцем-козлёночком. В целом, парк превратился в удобное местечко для цивильных прогулок, с детьми и без оных, и для модных катаний на велосипедах и роликах от мала до велика. Ещё бы тенистых аллей сюда добавить, но и так не дурно получилось – «модно,

стильно, современно».

В театр быстро подобрались труппа и достойный репертуар. И неизбалованный искусством провинциал с удовольствием пошел на оперы и балеты, позабыв недавние причитания о том, что и зрителей тут будет не набрать, и артистов своих нет, а приезжие будут из числа ненужных или провинившихся, то есть не очень хороши.

Несколько раз в свой прошлогодний отпуск, проезжая вечером мимо парка, Краснов видел ручейки нарядных горожан, стекающиеся с разных сторон к подножию холма, поднимающиеся по ступенькам, мимо работающих фонтанов, к театру, и манящие его присоединиться.

Тогда у него не сложилось, но желание осталось и даже укрепилось, благодаря всплывшим из потаённых глубин памяти многослойным обрывкам старинных настроений и эмоций.

Тут было, во-первых, что-то ещё дошкольного времени, когда он любил петь, и мама решила, что сыну надо ставить голос. Вспыхивали на мгновение и рассыпались картинки, где какой-то заслуженный дядька извлекал ноты из пианино, а он пытался их повторить. И где он ждал за дверью, пока дядька поговорит с мамой после прослушивания, уже зная то, чего мама ещё не знала – что у него нет ни слуха, ни голоса. И как хотелось потом петь, а он не мог, потому что люди без слуха и голоса не могут себе это позволить.

Через круг огорчений пробивались картинки, в которых

он всё-таки нарушал сложившийся в детстве запретительный императив. Бывало это исключительно в состоянии подпития – давно, когда Краснов выпивал. Для излития переполняющих нутро чувств песня лучше слов, а в пении забывающей о разуме душе вполне достаточно силы голоса и натурального старания. Поэтому, подвыпив и осмелев, Краснов с удовольствием поддерживал запевалу, старательно вытягивая звуки и дыша полной грудью, чтобы не задохнуться, – получалось у него лучше многих.

Ещё в его картинках были вспышки ночных дежурств в московских подворотнях, когда он помогал «держать» очередь за театральными билетами. Благодаря ночным бдениям, малая часть билетов, выделявшаяся для свободной продажи в кассах московских театров, вся уходила студентам соответствующих институтов, наделённых негласным правом. Для этого требовалось контролировать порядок, охранять «правильную» очередь от непонимающих граждан, рвущихся в кассу, и от беспредельщиков из других институтов, силой пытающихся «поломать» её и устроить незаконную свою.

Дежурным за успешное дежурство полагалась пара билетов. Причём, упросив «бригадира», можно было попасть не только в «свой», но даже в другой театр первой категории – в Большой, например, или на Таганку. Но надо было суметь попросить. Перебив отговорки, которые были всегда наготове: «Зачем тебе это? Что там смотреть? Женские нож-

ки – это понятно, но целый спектакль выдержать – на большого любителя. А опера? Что поют? – не поймешь, к чему и о чём. Да и билеты туда могу дать только на балкон последнего яруса, а тут я тебе партер предлагаю, хорошие места – не дури». В итоге репертуар «своего» театра Краснов освоил, а вот в Большом не был, – и жалел потом, что не был, слушая мамины рассказы.

Мама рассказывала, как в пятидесятые и шестидесятые года в их город приезжали на летние гастроли театры из Москвы и Ленинграда, и сколько хороших спектаклей она тогда посмотрела. Видела замечательных молодых артистов, называла фамилии, известные её поколению и забытые следующим. Для Краснова единственным знакомым именем была Плисецкая. Мама видела эту балерину в «Лебедином озере», в то время, когда о ней говорили, как о восходящей звезде.

Гастрольные спектакли давались в летнем театре парка Аркадий, вдоль дорожек которого замерли окрашенные «серебрянкой» скульптуры животных, и где были любимые детьми колесо обозрения, комната смеха и другие обычные советские аттракционы.

Память Краснова хранила смутный сказочный образ облюбованного гастролёрами и в одночасье сгоревшего деревянного театра.

По узким дорожкам с щербатым асфальтом, меж долговязых вязов и гибких акаций с побеленными стволами, ми-

мо серой потрескавшейся земли без травы под деревьями, маленький Вова спешил к центральной площадке парка Аркадий, где стоял потемневший от времени терем. У терема были островерхие башни по краям, а снаружи его окружали словно висящие в воздухе ярусы с резными перилами и скрипучими лесенками. Внутри театра мальчик не был, видел его только снаружи, так и запомнил.

Сегодня на том месте железобетонная конструкция «под старину», с претензией на имитацию бывших лесенок и ярусов, но очень уж они тяжелы и громоздки на вид. Да и весь новодел груб – былой лёгкости и загадки у здания нет, вместо них основательность и прямолинейность крепости. Современные театры и классический репертуар эту сцену не полюбили (или она их не полюбила?). Пользуют её, пытаясь собирать аншлаги, толстосумы от популярной музыки…

Деревянный театр сгорел раньше, чем Краснов подрос до требуемого для посещения спектаклей сознательного состояния. А потом его мама перестала быть театралкой. Так совпало, что после пожара хорошие театры переключились на заграничные гастроли, а для «нехороших» у мамы не было ни денег, ни желания.

В то время они остались одни. Вдруг и насовсем, как объяснила мама своему девятилетнему сыну, уехал в другой город дядя Лёша, который много лет забирал Вову из садика и младших классов школы и был с ними почти каждые выходные.

С дядей Лёшей им было весело. Он водил их в кино, угощал мороженым, летом возил на машине отдыхать на речку, учил Вову играть в футбол и ловить рыбу. За городом мама бегала с Володей наперегонки, часто улыбалась, и уголки её губ не клонились горестно к земле.

У Краснова покраснели уши, когда он вспомнил, как пытался тогда по реакции чужих людей понять для себя место дяди Лёши в их семье. Маленьким он не стеснялся заговорить со взрослыми. Особенно за городом и с парой из дяди и тёти, занимающихся понятным ему делом, – той же рыбалкой, например. Он спрашивал у дяди и тёти, где они живут, и есть ли у них дети, а между вопросами и ответами рассказывал, что его папа поругался с мамой, когда Володе было три года, и ушёл жить отдельно. Говорил ещё, что они с мамой тут отдыхают вместе с дядей Лёшей. Рассказывал про большого судака, которого поймал дядя Лёша, про подаренную сетку, которой Вова ловил мальков, про то, как дядя Лёша опустил эту сетку около кустов и, выждав, вытащил в ней столько рыбок, сколько Володя не смог наловить за весь день. Рассказывая, он смотрел бесхитростными глазами на взрослых, угадывая по выражениям их лиц, хорошо для них с мамой то, что у них есть дядя Лёша, или нет.

Что Володя уразумел для себя в итоге, осталось его детской тайной, но маму он никогда ни в чём не винил. Напротив, был благодарен ей за то, что она не только заставляла его учиться, но и не мешала мечтать, принимая его решения

как должные. Со слезами и надеждами проводила окончившего школу сына в Москву.

Вот как она его тогда отпустила? Ведь понимала, что сын не вернётся. Отучится, останется работать в своём далёке, женится, и хорошо, если будет приезжать к ней раз в год, являться, как ясное солнышко, – даст бог, с внуками…

Как он мог не любить маму, всегда помогавшую ему, если знал другие истории и других мам-одиночек? Первая – соседка по дому, другая – сотрудница, третья – знакомая. И женщины-то все хорошие, правильные, и сыновья им под стать – спокойные, непьющие, образованные и вроде бы самостоятельные. Вроде бы – ключевое слово, потому что как жили эти мужички с мамками, так и живут. Им под сорок уже, а женаты они не были и вряд ли женятся – вот, где беда!

Жена Краснова подозревает в голове свекрови тайные помыслы и интриги – зря. Все хитрые свекровины мечты были о талантах сына, которые она боялась не распознать, о его будущих успехах, какими могла бы гордиться в старости. Обычные мечты любой мамы. А то, что она пристроилась в итоге к семье сестры и нашла общий язык с племянниками, детей которых нянькала, как своих внуков, и которые заботятся о ней теперь, как о маме, – то что в этом плохого, и что ей было делать одной?

Очень уж супруга Краснова обидчива. Кажется ей, что племянницы для свекрови ближе сына. Обидно, что и родные, и двоюродные внуки любимы старушкой одинаково.

Что любит она высказаться, не подумав, а слова её частенько задевают за живое.

По молодости Краснова терпела обиды, а теперь не хочет. И вроде бы обычная история отношений свекрови и невестки, когда обе или хотя бы одна – стервы. Но ведь не стервы обе. И всегда хотели родниться. Надо было Краснову им както помочь, но откуда он знал, что надо, а главное – как? И вот не сложилось, а теперь, по накопленному, уже не сложится. Остаётся терпеть, всем троим, а Краснову – вдвое, потому что принимать ему приходится с обеих сторон.

Обида на свекровь была только одной строкой в лыку, малой толикой большой обиды Красновой на супруга, составленной за много лет. Обида на мужа уже давно портила их отношения и в представлении Краснова была похожа на разросшуюся раковую опухоль, которую надо оперировать, но страшно трогать. Каждый из супругов много раз пытался лечить её так, как считал правильным, то есть объясняя очевидную неправоту партнёра, и делал только хуже обоим. Доверие оборачивалось подозрительностью, а любовь безразличием, переходящим в ненависть. Были у них и жуткие скандалы, и бессонные ночи, способные разрушить совместную жизнь. Краснов не знал наверняка, почему супруга ещё держится его, заклиная, что жизнь ей не мила, но твёрдо знал, почему держится её сам.

Конечно, он знал, что виноват перед ней. Не дай бог мужчине слышать от женщины то, что слышал он. Раз слышал,

то виноват. Но не в том, в чем она его обвиняла.

Она решила, что он не любит её и никогда не любил. Что он женился на ней оттого, что ему надо было жениться, а не по любви, и потому обманул. И что этот обман ей стал очевиден, когда дети выросли, и у неё оказалось достаточно времени спокойно подумать над тем, что было и что будет. Подумать о том, что он говорил и обещал ей, и что говорили ей его родственники. О том, что все и всегда ее обманывали и использовали. Что никому она не стала своей, и что так дальше продолжаться не будет.

Не отыскав хорошего в прошлом и страшась будущего, она выплёскивала своё отчаянье на мужа. Краснов слушал, как дрожал и срывался на крик её голос, как сыпались из уст страшные проклятия в его адрес, слушал и терпел, потому что когда силы покидали её, и она падала в изнеможении на диван, жалко было жену до слёз. Супруга почти выла по себе, исполнившей всё положенное и больше не нужной, и призывала смерть, чтобы никому не быть обузой, а он видел сквозь сотрясающееся редкими судорогами погрузневшее тело доверившуюся ему хрупкую девочку, которой досталось слишком мало тепла. Как мог, он пытался успокоить жену и взять в руки себя, потому что должен был терпеть, не прогибаясь под невидимое, бесформенно разлитое в воздухе, чёрное и неуловимое зло, пробуждающее ненависть, – зло, которое он подпустил в свою семью в силу собственной слабости и легковесного отношения к женским проблемам.

Краснов терпел, потому что не хотел идти на поводу чуждой ему незримой силе, овладевшей всеми средствами воздействия на людей и навязывающей с их помощью вроде бы простые решения. Сложившаяся общественная тенденция была для него очевидной – всё вокруг говорило о том, что легче и покойнее жить одному и для себя. Но для него это было очевидной неправдой, на которую покупаются слабые люди. Он не хотел осуждать тех купившихся, кого не знал, или кто был моложе него. Ему было достаточно примеров умудрённых жизнью ровесников – друзей и знакомых, поддавшихся искушению.

Он видел, как десятки лет жившие вместе люди, преодолевшие бытовые трудности, родившие и воспитавшие детей, решали вдруг, что жили неправильно, ущемляя свои законные желания, вроде как в неволе. И как они использовали появившиеся, словно по заказу, возможности круто поменять свою жизнь, – одни разводились, другие «временно» разъезжались и разбегались, чтобы отдохнуть друг от друга, третьи начинали больше любить себя и свои желания.

Но получили ли они то, на что рассчитывали? Счастьем там и не пахнет. Покой? Скука от него смертная, кому он нужен? И даже свобода их казалась ему фиктивной – свободой, замешанной на тоске одиночества. Всё равно ведь привычно толкутся друг возле друга, только с ожесточёнными сердцами.

Если Краснову поддаться эмоциям, они с супругой полу-

чат то же самое – озлобление и одиночество…

Главное, с чем не мог согласиться Краснов, – с тем, что он не любил. Разве мог он забыть, как раскрывалась его робкая душа в ответ на женскую искренность, доверие и доверчивость? Как окрепшие чувства, помноженные на ответный порыв доброты, рождали в нём чувство любви к другим людям и окружающему миру во всей его красоте, которую он, слепец, не мог без этого разглядеть? И как новые благодарные волны несли всё более сильное чувство к женщине, а отразившись, расходились кругами ко всем людям, кого он знал, видел и помнил, а потом поднимались вверх, всё выше и выше с каждым новым отражением, к невыносимо яркому свету, от которого захватывало дух…

Когда-то прочувствовав вольную радость открытия мира, Краснов не хотел соглашаться с силой, устами супруги озвучивавшей желание подчинять и владеть. Та любовь, о которой она говорила, – это ошейник раба. Причем это взаимное рабство, поданное под соблазном собственности.

Но толком объясниться с женой у Краснова не получалось. Она не понимала его. А он не мог выразить словами то, что понимал на уровне чувств. Он просто знал, что у него есть жена и взрослые самостоятельные дети. А ещё есть мама и тётка со своими многочисленными родственниками. И всё это его, кровное, неразрывное, ни от чего он не может и не собирается отказываться, какие бы бури не разыгрывались и не бушевали внутри и вокруг него.

Теоретическим основанием мужского терпения была почерпнутая из книг информация о влиянии половых различий на поведение людей. Как почти любая книжная мудрость, информация эта была практически бесполезной, никак не помогая взаимопониманию между полами, но помогала Краснову успокоиться, разумно объясняя самому себе то, с чем ему приходилось мириться.

Умные книжки рассказали ему о том, что женщины предельно рационально распоряжаются собственным мозгом, исходя из инстинктивных мотиваций.

Главной целью работы большого мозга является социальное обеспечение успешного размножения, выкармливания и воспитания детей. Творческое мышление – это приобретённая вторичная активность мозга, которую используют преимущественно мужчины.

Это мужчины имеют возможность и время загружать мозг задачами, которые напрямую не диктуются социальными и врожденными инстинктами, регулярно демонстрируя свои рассудочные достоинства. А женщины должны с огромной нагрузкой эксплуатировать рассудочные центры своего мозга для достижения главной цели и, не имея особого желания, опыта и свободной энергии на интеллектуальную деятельность, закономерно отводят ей второстепенную роль. Инстинктивно заложенное в каждом человеке желание к доминированию они реализуют проще и эффективнее. Внимательно ищут у окружающих недочеты, противоречия

и ошибки. Вместо решения сложных проблем, требующих больших энергетических затрат, женскому мозгу проще найти чужую ошибку, даже самую мелкую, и обсудить её столько раз, сколько требуется для доказательства собственного интеллекта.

Исходя из целей продолжения рода, винить женщин в использовании мелких сиюминутных злодейств невозможно. Более важны эволюционные последствия увеличения продолжительности жизни женщин, поскольку для мозга возраст не имеет значения – сам факт существования он воспринимает как возможность размножаться.

В эпоху архаичных приматов мало, кто доживал до исчезновения способности размножаться. Но со временем стали появляться долго живущие, к желанию размножаться которых присовокупилось осознание наличия души и душевных порывов, что сделало их подарком для земного зла. Не здесь ли надо искать источник народных образов злобных старушек, колдуний и их мистического окружения?

Впрочем, появлялись в древности и уникальные мужчины, сумевшие не сложить голову на охоте и в межплеменных разборках и приобрести в народной памяти звания колдунов и чародеев. Но злобных стариков, похоже, было явно меньше злых старух. В русских сказках, например, страшные колдуны почти всегда за морями и горами, то есть чужестранцы, зато женщины-колдуньи вроде бы свои, лесные или водяные, а их образы – ярче.

Когда старость стала повседневным событием, пожилые женщины разделились на две категории. Первая – малочисленные активистки с неадекватным поведением социально значимого уровня. Вторая – большинство, с внешне стабильным гормональным состоянием и маской рассудочной рациональности, под которой скрываются те же биологические мотивации, усиленные самоуверенностью личного опыта. Направляя интеллект на изощрённые формы имитационного поведения, вторые способны успешно противостоять пусть и разумной, но не нужной с репродуктивной точки зрения мужской деятельности.

Краснову не оставалось ничего другого, как отнести маму с женой к большинству и понять, что ждать полного взаимопонимания между ними, а также ему от жены – не очень дальновидно.

Эх, знать бы Краснову эту информацию по молодости! А теперь ничего не остаётся, как расплачиваться за необдуманные слова и сгоряча нанесённые обиды. Терпеть и ждать, когда супруга сменит гнев на милость.

Впрочем, в отношениях с женой у Краснова было не всё так печально, как рисовалось ему в часы их размолвок или в пору внезапной, налетающей ночью и сжимающей сердце тоски, заставлявшей проснуться и горестно лежать без сна.

Во-первых, книжная мудрость не абсолютна. Всё происходящее с человеком она пытается объяснить в рамках явного мира, стыдливо игнорируя воздействие высших сил. Крас-

нова это не устраивало. Он не знал твёрдо, верит ли и кому, но чувствовал, что его душа отзывается на «Бога», «сатану», «судьбу», «рок» и другие понятия, не имеющие зримого подтверждения.

Во-вторых, хорошего в его жизни было больше, чем плохого. Поэтому не верить в то, что личная жизнь может измениться к лучшему, было глупо.

Он боялся сглазить, но не исключал, что трудные времена для него заканчивались. Одним из обнадёживающих знаков было согласие жены поехать с ним, как раньше. Последний раз она была на его родине семь лет назад, на похоронах тёткиного мужа. С тех пор зареклась, а он не настаивал. Но в этом году двоюродная племянница, мамина любимица, выходила замуж. Ехать на свадьбу одному Краснову было неловко. И вдруг жена согласилась составить ему компанию. И даже предложение немного пожить заодно у мамы не вызвало у неё явного отторжения.

– Что мы будем делать там целую неделю? —только спросила она Краснова. —Дома с твоей мамой больше двух дней я не высижу.

– Погуляем по городу. Сходим в театр, – ответил Краснов, не раздумывая. – Я давно хочу разглядеть новую достопримечательность. Балет посмотрим. Или оперу послушаем. А то жизнь прожили, а к высокому искусству не приобщились.

– Разве с тобой можно было к чему-нибудь приобщить-

ся? – не преминула по инерции уколоть его жена.

– Ну, хорошо. А днем? Что мы будем делать днем?

– На речку будем ходить. Загорать будем, ловить рыбу.

– Ты же не рыбак, – сказала Краснова.

– Не рыбак, – согласился Краснов. – Но в детстве ловил. Купим удочки и половим. Жаль, что вобла уже пройдёт, когда мы приедем. Но мы обязательно что-нибудь поймаем. Там любой поймает.

Жена заговорила о том, что ей надо пошить летнее платье и купить на свадьбу красивые босоножки.

Сердце Краснова кольнуло надеждой. Невольно вспомнилось, как однажды, то ли во сне, то ли наяву, он поднялся над собой и как до сих пор не разобрался, что тогда с ним было.

Случилось это после очередной ссоры, когда ему было особенно плохо, и он лежал один в холодной постели без сна, мысленно кружа в поисках ответа, что делать, и, не находя его. И вдруг почувствовал, как в этом своём кружении стал подниматься вверх. Он поднимался не долго и поднялся не высоко, но достаточно, чтобы сверху увидеть себя, лежащего с открытыми глазами. Очень хотелось подняться выше – не получалось. А страха от полёта не было совсем, и удивления – тоже. Возможность парить и одновременно лежать в кровати казалась сама собой разумеющейся.

Опустился Краснов, найдя ответ, почти вычитанный до этого в книгах: терпеть. Он не знал, откуда его взял. Было такое чувство, что ему подсказали. Но кто? Когда парил, он

никого не видел, – только угадывал в темноте себя, внизу, лежащего недвижно, без сил.

Позже Краснов пробовал повторить свой робкий полет – больше не получалось. Зато получалось следовать найденному ответу.

Взявшись терпеть, он всё реже пытался доказывать жене свою правоту. Если срывался доказывать, то только в минуты усталости, когда голова переставала соображать, – и тут же отступал, ловя себя на мысли, что не хотел, а словно бес попутал.

А недавно Краснов стал замечать, что супруга всё чаще бросает на него косые задумчивые взгляды, словно пытается решить загадку, которую он ей загадал. И ещё ему показалось, что она потихоньку заново впускает его в свою жизнь, нарушая произнесённые обеты и удивляясь самой себе.

Краснов пока боялся загадывать. Ему достаточно было верить.

Верить, что вся грязь и злоба, вдоволь излитые на него женой, – инстинктивный приём самозащиты от того неправильного Краснова, о котором надо забыть. Что, несмотря на ворох тщательно перечисляемых незабытых женских обид, душой она по-прежнему с ним, а значит, и семья его неразрывна, как было прежде, и как будет всегда, пока он жив…

У Краснова были основания так думать и без метафизики. В тех же умных книжках он читал, что с возрастом дистанция между образом мыслей мужчин и женщин уменьшает-

ся. Многие мужчины приобретают интуитивные способности, характерные для женщин с детства. Многие женщины – рассудочные способности мужчин. С приобретенными способностями проще обуздать мешающие дружно жить разрушительные желания, возникающие вдруг, спонтанно, словно внушённые невидимой силой, досконально изучившей порочную людскую природу.

Он думал, что у него уже почти получается справляться с собой. А если получится у него, то получится и у наблюдающей за ним супруги. И снова они станут заодно!

Было только немного грустно от медлительности этого процесса. Как бы не получилось так, что ещё долго будут они с супругой разбираться и в себе, и друг с другом. И доведётся ли спокойно пожить вместе, когда разберутся?

Или это для них уже не важно? А важно просто успеть?

2 В неспешных ритмах

Третье утро подряд Красновы шли пешком к новому мосту на рыбалку. Воды на нижней Волге из-за малоснежных зим в центральной России было мало, так как на водохранилищах пытались оптимизировать её расход, растягивая процесс спуска. Последние затяжные вёсны с привычными во второй половине мая ветрами и не привычно редкими жаркими днями, перебиваемыми дождями и холодом, сбивали с толку и людей, и рыбу. Рыба была голодная, как сказала Красновым продавщица червей и удочек. Женщина не обманула. По детской памяти Вовы к этому времени большая вода спадала, и нерест, а вместе с ним рыбалка для любителей, заканчивались. Но в этом году большой воды не было. А ту, что дали недавно, пока не нагрелась, так что потерявшие ориентиры последние косяки рыбы ещё стремились попасть в тёплые узкие протоки.

Вода по такой погоде казалась ледяной для купания. А чтобы спокойно позагорать, нужно было искать далёкие незатопленные пляжи. Красновы попробовали поискать. Перешли из города по новому мосту через протоку на обливной остров и пошли в сторону Волги. До песка добрались только-только к полудню, когда на ясное с утра небо уже наплывали белые облака. Хотя супруги спрятались от свежего речного ветра за кустами, им было не жарко, когда облака

закрывали солнце, и хотелось прожариться, когда оно показывалось. За это своё хотение они потом целый вечер мазали свою обгоревшую кожу кефиром.

Единственным приятным впечатлением от похода осталась дорога по безлюдному острову. Первую живую душу – рыбака они встретили, только выйдя на Волжский плёс. А на всём пути туда и обратно совсем несложно было представить себя на необитаемой земле и расслабиться, слившись с неспешным темпом растительного бытия.

Тропинка вела их через высохшее заливное поле с редкими кустами. Чёрные вороны облепили верхушки далёких тополей. Редкая птица каркнет, слетит, приземлится или направится через поле к деревьям на другом берегу. Вдруг недовольно загудит шмель, или перелетят тропинку стрекозы. С налёта, между порывами ветра, попробуют атаковать прохожих слепни. Кто-то невидимый цыкнет в траве, прошелестит, замрёт.

Трава нежно-зелёная, юная, не догадывающаяся о скором пришествии губительного зноя и засухи. Повсюду кустики цветущей верблюжьей колючки. Молодой камыш. Полынь. Семейка красных маков. За маками поросшая сорняками возвышенность, на которой внимательный взгляд приметит торчащий из земли кусок бетонной сваи, ржавую железку в кустах и горку битых кирпичей в камышах – возможные следы прошлой обитаемой жизни.

До разрушительной Горбачёвской перестройки через про-

току ходил катер. На острове стоял десяток домов, жили люди, паслось несколько коров.

Когда катер перестал ходить, жители острова вынужденно покинули свои дома. И ничего от них не осталось. Двадцать лет с небольшим всего прошло, а остров выглядит так, как будто всегда был необитаем…

С красными, как ошпаренными, лицом и плечами, недовольная походом и уставшая от бесконечных переживаний свекрови, как прошла свадьба, и годен ли жених, супруга спросила Краснова:

– Что мы тут будем делать? Неужели целую неделю придётся слушать твою маму? Дура я, дура. Опять зря тебя послушала. Не надо было нам оставаться.

Без рыбалки Краснову пришлось бы туго. Но ему повезло. Благодаря клевавшей пока рыбе, в жене проснулась рыбацкая страсть, которую не смогли потушить ни ползающие гады за городом, ни мусор под городским мостом, где они пристроились удить, сбежав от змей.

Змеи были на речке, на которую Краснова когда-то возил дядя Лёша.

Знакомые места узнавались с трудом. Масштаб детского и взрослого взгляда слишком отличался. То, что в детстве казалось Володе полноводной рекой, было обычной речушкой, по которой высокая вода несла коряги с прибившимся к ним мусором. Низкие берега заросли травой. Все удобные подходы к воде были заняты машинами и рыбаками обоего

пола.

Умчавшиеся на работу родственники довезли Красновых до одного из береговых обрывов, где супруги бочком присоседились к двум парням со спиннингами, переделанными в поплавные удочки. Парни с завидной регулярностью по очереди тащили воблу, тарашку и краснопёрку, накидав почти полное синее пластиковое ведро рыбы, и посмеивались над калиброванным, в ладонь, её размером, будто бы показывавшим, что выше по течению стоят сетки.

Родственники выдали Красновым одну поплавную удочку и несколько «закидных» – намотанные на деревяшки длинные лески с крючками и тяжелым грузилом, позволяющим закидывать наживку далеко от берега. Поплавная далеко не летела, и Краснов её отбросил.

Первую рыбку вытащила Краснова, и процесс – не так складно, как у соседей, зато с большим азартом – пошёл.

Женщина быстро научилась держать леску на пальце и чувствовать поклёвки. Их было много, но подсекать не всегда удавалось, и рыба часто сходила с крючка. Когда пустую леску тащили на берег, крючки карябали дно, цепляясь за все подряд, – за траву, корни, камни, плывущий и потонувший мусор. Мужчина не столько ловил, сколько насаживал на крючки червей, забрасывал и освобождал удочки от частых зацепов.

В добычливом пылу Красновы не сразу заметили ужей, которые ползали в земляных трещинах под обрывом. Супру-

га заметила первой, завизжала и придвинулась к соседям, надеясь, что у них чистое место. Но змеи были и там, и вообще, если приглядеться, всюду по берегу. Иногда они, пугая, стремились выползти к людям, погреться на облюбованных местах, или с высоко поднятой головой плыли по воде.

Краснова вошла в нервы, отслеживая перемещения ползучих гадов и требуя от супруга отгонять особо настырных. Но ловить рыбу не бросала. Ловила и трусила. Бояться у неё получалось непосредственно и эмоционально. Чуть растерянная, смущённая, готовая мгновенно отпрянуть и закричать, ищущая защиты и понимания, – она вошла в то естественное состояние открытости и доверия, которое всегда в ней трогало Краснова. А за змеями следила так внимательно, что они приснились ей ночью, заставив прижаться к мужу, чтобы успокоить отчаянно заколотившееся и готовое выпрыгнуть из груди сердце.

После этой нервной рыбалки отдыхать за городом Красновой перехотелось, и следующим утром супруги пошли рыбачить к мосту, через который переходили на обливной остров.

Вместо змей на закованном в бетон берегу были кучи глины и мусора. Особенно грязно было на причальном спуске, откуда сподручнее всего кидать удочки, и куда, обходя битое стекло и засохшие остатки еды и испражнений, привел жену Краснов.

– Неужели нам надо ловить среди этого навоза? Я не хочу

здесь, – возмутилась она.

– Давай попробуем, раз всё равно пришли, – попросил Краснов. – Может, и клёва не будет. Уйдём со спокойной душой.

Он быстро примотал концы лески к причальной железке в нижней выемке затенённой боковой стены, стараясь не обращать внимания на стойкий запах мочевины в углу, и закинул удочки. Пока разматывал леску и насаживал на крючки червей, сетовал, что гадят и мусорят единицы, но их достаточно, чтобы всё вокруг превратить в помойку. Жена разговор не поддерживала. Поджав губы и выпрямив спину, всем видом она показывала нежелание превозмочь брезгливость.

Рыба клевала не хуже, чем за городом. Два смуглых пацана кавказских кровей, занявшие место у противоположной освещённой стены, ловили одной удочкой, по очереди, соревнуясь, кто поймает самую большую рыбку, и ревниво поглядывали на соседей. Когда самый громкий из них счёл необходимым доложить Краснову своё наблюдение: «Дядь, а Ваша жена ловит лучше Вас!» – по женскому лицу пробежала довольная улыбка, и надутые губы обмякли. А вскоре Красновой удалось вытащить большого леща и, хочешь-не хочешь, пришлось принять рыбацкое место таким, каким оно было.

И вот третий раз подряд, выспавшись и позавтракав, Красновы выходили из дома, как на работу, вливаясь в уличный поток спешащих по делам людей.

Шли они до конца квартала пятиэтажек, потом сворачивали в район одноэтажных домов и гаражей, по которому выходили к железнодорожному переезду. Сразу за переездом начиналась насыпь нового моста, вдоль которой до речки было рукой подать. Весь путь был не долог и спокоен, особенно после поворота.

На грязном причале было еще спокойнее. Шум от машин внизу приглушённый, перед глазами – воды песочного цвета, спокойные у берега и взволнованные на стремнине неширокой речки, бетонные конструкции на близком противоположном берегу зелёного острова, белые облака над головой, яркий до белизны солнечный свет. Насадил червей, забросил удочки, стой и любуйся речным пейзажем с городским колоритом. Если клюнет – тащи, если вытащишь – снимай с крючка, бросай в ведро, насаживай червяка, закидывай удочку и снова стой и жди, радуясь покою и подчиняясь неспешному ритму речной жизни. Мягкое дёрганье пальца с леской, азартное вытягивание попавшейся рыбки, свист забрасываемой лески и бульканье грузила, бьющая хвостами в ведре добыча, загар, жадно хватающий шею и руки, – общей радости им хватало часа на три, до обеденной жары, потом тяжелели ноги, подкрадывалась усталость, а клёв затихал.

Дома Красновых ждал обед, послеобеденный отдых, засолка и жарка рыбы, телевизор и минимум времени на пустые разговоры. Хотя совсем на замок роток не закроешь,

и маме Краснова вечером удавалось иногда и невзначай уколоть сноху словцом – это было каплей, которую можно было терпеть, не выливая на супруга ушат эмоций.

Хотя сегодня рыбалка складывалась хуже, чем в предыдущие дни, у обоих супругов было хорошее настроение. Вечером они шли на балет «Лебединое озеро».

Для выхода в свет Краснова приготовила пошитое по старой «Бурде» серебристое шёлковое платье ниже колен с коротким усечённым рукавом, кожаные поясок и итальянские босоножки, приобретенные на свадьбу. Из украшений планировались ожерелье из речного жемчуга и серебряные серьги с большими жемчужинами. Прическа пока обдумывалась, но суть была понятна: слегка подкрутить и поднять, добавив коротким волосам объёма и толику пикантной растрёпанности.

У Краснова, честно говоря, глаза на рыбалке не горели, да и хлопотать приходилось много, особенно с учетом маникюра жены и её страха ко всему ползающему и извивающемуся, включая червей. Ему надо было успевать за двоих, мириться с землёй под ногтями, с липкими грязными руками, с норовящими зацепиться о кожу крючками, бороться с зацепами, перевязывать оторванные грузила и крючки. Дяди Лёшину науку вязать снасти он вспомнил, но с ослабевшими из-за возраста глазами привязывать крючок к тонкому поводку, а поводок к леске казалось не легче, чем вдеть нитку в игольное ушко.

А, вместе с тем, его душа, успокоившаяся и поймавшая на загородных и речных просторах низкий темп жизни природы, подавала внутренние посылы, заставляя внимательно присматриваться к мелочам и отрывать взгляд от земли, звала за горизонт и ввысь, в непонятную бесконечность. Иногда он сдерживал себя, чтобы не запеть, потому что супруга не любила его пения, но петь всё равно хотелось, и от этого хотения невольно вспоминались обрывки музыкальных фраз и крутились, крутились и крутились в голове, придавая духу странное осознание отстранённости от мира.

Сегодня по дороге на речку Краснова будил сладко-пряный запах цветущих акаций. Он и раньше заставлял мужчину водить носом, но сегодня показался особенно сильным. Не выдержав, Краснов остановился около одного пахучего дерева, нагнул ветку и принюхался к белому облаку цветов. «*Белой акации гроздья душистые / Ночь напролёт нас сводили с ума*», – всплыла в памяти фраза известного романса, и весь путь он напевал её про себя, вытягивая звуки, поднимая и опуская внутренний голос до самого тихого трогательного звучания.

Весь день потом, когда заходила речь о театре, – что надеть, пойдём или поедем и во сколько, – приглушенно звучала в его голове музыка про душистые гроздья белой акации, навевая сладкие, как в юности, грёзы…

Нарядные супруги уже собрались выходить из дома, когда Краснова впала в отчаянье, обратив внимание на свои

пятки. Огрубевшая на пятках кожа набрала грязи, некрасиво выглядывая из новеньких босоножек. Пришлось раздеваться и оттирать грязь пемзой и жёсткой мочалкой. Заняло это десять минут, но переживаний и эмоций, как всегда, выплеснулось так много, что баюкавшая Краснова музыка сбежала из головы.

До театра они шли пешком. По пути Краснова оглядывалась и заставляла мужа оглядывать её пятки, требуя сказать честно, идут ей босоножки или нет. Открытые туфельки красиво перетягивали ремешками стопы крепких пока ног с упругой кожей, сидели, как влитые, хотя, если быть честным, как она того требовала, капелька дисгармонии присутствовала; изящные босоножки лучше подходили более узким стопам.

Влившись в один из тянущихся к театру, не раз виденных Красновым в прошлом, и уже в этом году ручейков нарядных людей, предвкушающих скорое удовольствие, супруги погрузились в общую благостную атмосферу и смогли, наконец, совершенно успокоиться.

Поднявшись на первый ярус каскадной лестницы, Краснова утянула мужа в сторону, на скамеечку около бассейна с фонтаном, прыскающего вверх на плавно меняющуюся высоту разнокалиберными струями воды, переливающимися в фиолетовой и розовой подсветке. По другую сторону лестницы был точно такой же бассейн с таким же фонтаном. Вдвоём они образовывали большую восьмёрку и наверняка

что-то означали. Слияние духовного и материального, мир и гармонию, знак высшей справедливости, символ вечности и бесконечного?

Красновой было не до символов, о которых пробубнил мудрствующий супруг. Она сняла натёршую ноги обувь и массировала ступни в области боковых косточек, блаженно шевеля свободными пальцами. Потом довольно засмеялась, бросив взгляд на соседнюю скамейку, и потолкала локтем мужа, обращая его внимание.

Там три подруги типичной для пятидесятилетних женщин комплекции «с жирком», в богатых платьях и с причёсками из салона, переобували коренастые ножки из легкомысленных «шлёпок» в туфельки на высоких каблучках.

– Тоже надо было в «шлёпках» идти и здесь переобуться. Пятки боялась запачкать, – объяснила Краснова то ли себе, то ли мужу.

– Не знаю, как досижу, – пожаловалась она, еле втиснувшись в босоножки. – На колготки-то они очень хорошо лезут, а на голые ноги – нет.

Небо очистилось от облаков, радуя глубокой синевой. Уставшее за день солнце было пока высоко, но уже перестало припекать. Ветер тоже умерил свою силу. Воздух понемногу наполняла вечерняя прохлада, уже ощутимая в тени театра, у ограды парка, где деревья – прямые стволы и шаровые кроны – замерли, как тянущие подбородок часовые.

Вдоль ограды, вокруг театрального холма, гулял праздный

народ. Мамы с колясками, женщины без возраста, с внуками или в компании близ живущих соседок, доедающие мороженое смешливые школьницы, парочки, юные и не очень, с подаренными цветами и без них. Малые дети и подростки женского пола штурмовали травянистые склоны, подбираясь к высоким лестничным парапетам. Шестидесятилетний джентльмен с широким русским лицом и приглаженной крашеной шевелюрой, в купленных за границей шортах и футболке, стремительно, с профессиональным умением, катил на роликах, мягкими движениями уклоняясь от пешеходов. За то время, что Красновы сидели на скамейке, молодой старик на круг обошел других роллеров – стройного мужчину средних лет, кудрявого, русоволосого, с ухоженной седой бородкой, держащего за руку худенькую брюнетку, под стать ему возрастом, сложением, ростом и молодежным «прикидом». Волосы сзади у женщины были уложены в тугой пучок, а у партнёра собраны в развевающуюся на скорости косичку. Колоритная парочка катила размеренно, степенно обговаривая некие важные вопросы, явно недоступные обычному люду.

Громада театра, похожая на обездвиженного и немого великана, взирала с высоты своего положения на движущееся и копошащееся в парке людское многообразие, такое живое и разное, бредущее по земле и стремящееся вверх, мнящее о себе зачастую нечто значительное и, как правило, пустое, не различимое даже вблизи.

Окна здания призывно светились. Гостеприимно раскрытые входные двери, высотой в два этажа, вбирали добравшихся до них зрителей.

В фойе Красновых встретили белоснежные стены с золотой вязью и море света.

Трёхуровневые белокаменные балконные ярусы опоясывали пространство фойе изнутри, представляясь Краснову вывернутой наизнанку приснопамятной наружной конструкцией ярусов сгоревшего летнего театра. Все балконы были ярко освещены огромными подвешенными люстрами и светильниками – круглыми, встроенными в потолок, и настенными, в виде рядов ламп.

Широкая мраморная лестница с двумя площадками вела к красным дверям с жёлтым узором, окружённым резной золоченой вязью, имитирующей царские врата. Их сторожили белые мраморные колонны, на которых были водружены большие светильники в форме шара. Периллы лестницы начинались короткими колоннами с белыми вазонами и цветами. На верхние конечные колонны перилл были водружены светильники, стилизованные под канделябры с высоченными ножками желтого металла.

Центральная часть белого потолка над лестницей делилась на ряды квадратов, которые тоже светились, от крайних рядов к центру – синим, голубым, лазоревым светом.

Дополнительными скрытыми лампочками подсвечивались края потолка. Рассеянный дневной свет из окон вносил

свою толику в общую иллюминацию.

Много света. Много белого. Много золота. Много воздуха и пространства, приглушающего разноголосый гул сотен людей…

По красной ковровой дорожке, лежащей на мраморной лестнице, Красновы поднялись к красным воротам в зрительный зал и из белого открытого мира попали в закрытый мир тайны, оформленный в красной и жёлтой палитре.

Потолок зала по краям – бордовый, в центральной его части, внутри желтой окружности, – аленький цветок из 12-ти лепестков. Тычинки и пестики цветка представлены жёлтыми металлическими нитями и белыми светильниками большой центральной люстры.

Жёлтый паркет и кресла бордового цвета в партере и амфитеатре. В бельэтаже, ложах и на балконах бордовые шторы с жёлтыми кистями. Бенуар без штор, за жёлтой стенкой с бордовыми подлокотниками. За похожими стенками все ярусы. На гладкие жёлтые участки стенок прикреплены светильники с яркими белыми лампами. Между ними жёлтая кружевная лепнина на розовом фоне. Внутреннее убранство лож и балконов в тёмных бордовых тонах.

Сцену окаймляет двойная жёлтая граница – сплошная внешняя и резная внутренняя. Над сценой занавес в виде трёх бордовых ступеней с золотистой оторочкой.

В правительственной ложе шторы и полукруглые занавеси тех же тонов, что и на сцене. Внутренние стены ложи –

алые, освещены собственной люстрой. Над ложей – двуглавый золотой орёл на красном фоне.

Красновы сели на боковые места в одном из средних рядов партера. Присаживались они в полупустом зале и до начала представления имели возможность осмотреть многих зрителей, занимавших свои места позже.

На первом ряду в бенуаре расположились девушка с мамой, на которых Краснов обратил внимание перед входом в театр. Точнее, он засмотрелся на девушку. Она стояла в нескольких шагах от входа, отвернувшись на пол оборота от людей, вынужденно сбивающихся в дверях перед контролёрами, кого-то ждала. Спадающие до плеч чёрные локоны, прямой нос и линии приподнятого подбородка и длинной шеи в профиль, особенно выразительные на фоне предзакатного солнца. Гордая осанка спины, синие туфельки на длинных шпильках, на тон светлее туфель синее платье с вертикальными сборками – длинными, до земли, сзади, и короткими, открывающими стройные загорелые ноги выше середины бёдер, спереди.

Краснов уже насмотрелся за вечер на красивые дорогие платья. Каждая вторая из подтягивающихся к театру девушек и женщин стремились отличиться. Платье незнакомки выделялось среди отличившихся. Пошито оно было очень продуманно, объединяя линии лица, туловища и ног в цельный образ возвышенного создания, наречённого судьбой принцу, а, с другой стороны, являло подспудное требование

женского естества найти себе достойного мужа. Краснов так и подумал о девушке невольно, как о томящейся принцессе, мечтающей если не о принце, то о рыцаре, но готовой выйти замуж за первого встречного. И даже посочувствовал ей и её избраннику, если такой был. Девушке потому, что мужчины обычно обходят требовательные создания стороной, тем самым усиливая женские ожидания. Тому же, кто не смог обойти, нужно было сочувствовать по определению.

Всё-таки оказалось, что принца у неё нет. А есть, кроме мамы, тётушки или мамины подруги, устроившиеся во втором ряду. Девушка сидела на лучшем месте, положив белый локоть на бархатный подлокотник, и рассеянно смотрела на сцену, отвернувшись от своих женщин и вряд ли слушая их разговор. Мама преданно смотрела своему ребёнку в спину, улыбаясь и явно любуясь лучшей для неё девушкой на свете.

В том же направлении, поближе, выделялась другая пара, устроившаяся на крайних боковых местах в партере: похожие друг на друга худобой и бледностью кожи среднего роста мужчина и женщина лет тридцати. Мужчина был небрит по нынешней моде, одет в джинсы и тёмно-синий пиджак с нашитыми на локти лиловыми накладками. Женщина правой рукой держала в руках одинокую красную розу с длинной ножкой, левой переплела руку партнёра. На ней было летнее платье из легкой зелёной ткани с заклёпками, на тонкой шее – серебряная цепочка, на худой белой руке – сереб-

ряный браслет змейкой. Узкая кость, открытые бледные плечи, чёрные ласковые и живые глазки, единственно символизирующие о способности этого утончённо-измождённого создания любить. Это была вторая виденная сегодня Красновым европеизированная пара, считая ту, что каталась на роликах. Роллеры были постарше и поупитаннее, представляя собой возможное будущее «молодых».

Поведение этих людей со стороны не казалось полностью разумным. Был в нём изъян, беспокоивший Краснова. Если бы у него было время и желание проанализировать свои чувства, он бы подумал, что любовь, которую несут люди, раздвигая границы мира, эти чудаки прячут между собой, делая мир съёженным.

Он бы подумал так потому, что всегда чувствовал исходящее от людей тепло, а от этих не чувствовал. Значит, было оно совсем слабое, и хватало его только себе и тому, кто рядом.

Им надо было очень постараться, очень поломать себя, чтобы настроиться на такую экономию любви. Кто их этому научил? Неужели сами? Почему они не хотят быть похожими на то большинство вокруг, с искрой в глазах, с готовностью распространить свою любовь к избраннику на окружающих? На обычных женщин, забывших за нарядами и причёсками про натруженные ноги и накопленную с возрастом тяжесть тела. На людей, отзывчивых на радость и готовых делиться счастьем, – тех, от кого можно ждать и любви, и тепла, и про-

должения рода.

Между тем публика наполнила зал. Настроения сотен людей взаимодействовали друг с другом, электризуя атмосферу и настраиваясь на волну ожидания чуда.

Среди гулкого людского шума под сводами зала в очередной раз прошелестела музыка с колокольчиками и ровный женский голос объявил, что прозвучал третий звонок.

Свет в центральной люстре и светильниках ярусов стал медленно гаснуть, впуская в замкнутое пространство сумрак тайны. Наконец, вступил оркестр и с первых же звуков интродукции уверенно захватил сумбурное пространство мешавшихся людских мыслей повестью о зачарованной девушке. Нежный гобой вел лирическую линию грустных романтических грёз, ему помогали арфы, их поддерживали скрипки. Звуки музыки разбегались по залу, замирали, отражались и поднималась ввысь, подчиняли и вели за собой в дивный мир, созданный композитором для своих ответов на вечные вопросы.

Постепенно сквозь радостные вариации ожидания счастья под возгласы тромбонов стали пробиваться тревожные нотки. Потом отдельные звуки сменились тревожными созвучиями, потом целыми фразами, всё чаще и всё громче врывавшимися в спокойное музыкальное течение. И вот уже все смычки заиграли тревогу. Вторя им, заголосили тромбоны, затрубили трубы и загремели литавры. Тревожный проигрыш звучал все сильнее и выше, учащая сердцебиение, по-

ка, ударив напоследок в предчувствии беды, не рассыпался, вернувшись к трогательной песне и наполнив её грусть переливами роковой обречённости и тоски о любви, которой так трудно выжить на земле. Улетая в неизвестность, песня звучала всё тише и скоро стала совсем не различима ухом.

В наступившей тишине самые эмоциональные зрители выдохнули, раздались робкие аплодисменты и медленно поднялся занавес, открыв публике сцену с замершим мгновением дворцового бала.

3 Сказка

Дворец ожил вместе с побежавшими вскачь звуками. К веселой компании придворных в средневековом платье, пирующих по случаю совершеннолетия принца Зигфрида, вышел высокорослый герой вечера в белом трико, представляющем мужское тело мускулистым и слащавым одновременно. Принц обходит залу, приветствуя встающих и получая преданные поклоны мужчин и реверансы женщин. Бодрая ритмичная музыка кипит жизненной энергией присутствующих. Фанфары подчеркивают радость. Все улыбаются, изливая счастье на окружающих и получая ответную благость. Чётко звучат такт за тактом, уверяя в незыблемости дворцового миропорядка.

Под тихую пастораль на сцене появляются крестьяне, желающие поздравить принца. Кажется, все его любят, и всем он отвечает любовью.

Довольные придворные угощают поселян вином, дарят женщинам цветы и ленты. К прозрачному звучанию деревянных инструментов добавляется страсть, энергия, и новые чёткие такты продолжают праздник.

Воцарившаяся на сцене радость находит выход в танце. Крестьяне кружат в ярком вальсе. Первые скрипки раскачивают танцевальную мелодию, ударные её поднимают. Вокруг скрипок кружат голоса флейт и кларнетов, звенят колоколь-

чики. Кружение пар и кружение музыки кружит зрительские головы.

В середине вальса четкий ритм сменяется певучей темой, трогающей душу, к концу мелодии она нарастает всей мощью симфонического оркестра, бравурно предсказывающего Зигфриду славный жизненный путь.

Вбегают слуги, музыка приобретает торжественность.

Прерывая общее веселье, под звуки фанфар входит мать. Сын спешит к ней, кланяется. Ласковыми музыкальными фразами королева напоминает ему, что он отныне жених, а на вопрос о невесте рассказывает про завтрашний бал, на который приглашены все известные ей достойные принцессы. Мать уходит, а задорная и энергичная музыка продолжает веселье, ускоряя его ритм.

Краснов не знал сказки, которую смотрел. Если бы его спросили, о чём балет, он бы замялся с ответом. Сказать первое, что приходило на ум: про лебедь, погибшую от любви, – значило сказать глупость. Подумав, он мог вспомнить танец маленьких лебедей. И то, что «Лебединое озеро» показывали в Советском Союзе по телевизору в преддверии перемен управления, словно ключевую подсказку для неведомых командиров. Больше в его памяти на эту тему ничего не было. Сюжета сказки он не знал. Языком танца не владел. Перемещения актёров по сцене информации ему не прибавляли. Правда, музыка взволновала Краснова с первых же аккордов, так что к выходу королевы-матери грустная лебеди-

ная песня и праздничные проигрыши выстроились в его голове нитью клубка из детских сказок, которые он заставлял читать маму, пока не научился читать сам. Подсознательно разматывающийся клубок вёл Краснова в детство, а оттуда в сказочный мир, к беззаботному принцу, не догадывающемуся о приближающихся вызовах судьбы.

При этом Краснов с удивлением открыл, что отсутствие слуха и голоса не мешает ему слышать и понимать музыку. Пусть он понимал её по-своему, не так, как научен и привык это делать изощрённый и одарённый талантами слушатель, но и его понимание имело право быть. Хотя бы потому, что история принца казалась ему не чужой, а внутренний голос будил, не давал успокоиться под навязанный композитором мотив.

«Раз – три-че-ты-ре-пять – раз-два – раз-два и три-че-ты-ре-пять», – бедный принц! Скоро ему давать свой ответ на вечный вопрос любви! Скорее всего, ответ этот будет тривиальным, а, следовательно, роковым.

На сцене продолжал выстраиваться необходимый композитору эмоциональный фон, отражая предание о древнем мире и его людях, от которых так недалеко ушли люди мира настоящего.

Скользя под аккомпанемент звонкой арфы и навевая томную негу, прозвучала светлая плавная мелодия танца троих. За ней дуэт, где гобой с небольшим опозданием точно воспроизводил мелодию фагота, представляя дополняющие

друг друга мужское и женское начала, стремящиеся стать одним целым. «Па-ра-па-ра-па-ра-пам-пам – па-ра-па-ра-па-ра-пам-пам», – известная пьеса, Краснов её раньше слышал. Быстро, быстро, еще быстрее и вместе, всегда вместе, два как один, – вступившие трубы и все оркестровые души безоговорочно утверждают поставленную цель!

Новый танец – лёгкий, в ритме польки, под соло кларнета, флейты, фагота и аккомпанемент струнных инструментов. Следующим – энергичный мужской танец, утверждающий претензию на лидерство. Движения танцоров резки, прыжки высоки, приземления уверенны.

Будто случайно в мужскую уверенность врывается лебединый проигрыш, но тревожное напоминание не долго, уступает напору оркестра, и танцорам его можно пропустить, продолжая любоваться собственными массивными движениями под уверенную поступь тяжёлых и звонких аккордов.

А Чайковский всё добавляет и добавляет кусочки в мозаику, складывая своё представление о сказке. Это уже десерт для музыкальных гурманов, мало что дающий Краснову. Его слабый в музыкальном отношении мозг переполнен завязкой действия. Он слушает, отдавшись общему музыкальному течению. Воля гармонии, организованной умелой и непреклонной рукой, несет мужчину к неведомому берегу, и он просто ждёт, когда его ноги коснутся земли.

Звучит пьеса флейт и скрипок. За ней – оживленный праздничный танец. Его сменяет танец двоих – сюита из че-

тырех номеров: трогательное задумчивое знакомство, грациозный вальс, густое ритмичное усложнение и возвращение к начальной мысли, обогащённое голосом флейты.

А вот танец-песня, исполненный мягкой русской созерцательности. Песенную грусть создает скрипка. Не выдержав её тоски, вступает певучий гобой. Вскоре меланхоличность уступает действию, и песня переходит в быстрый галоп. Скрипка и здесь на высоте.

Новый вальс – диалог бравого корнета и первых скрипок с игривыми кларнетами.

Быстрый галопирующий танец.

И прощальный танец перебравшего вина наставника принца.

Учитель трогательно смешон, беспомощен, падает. Весёлый быстрый общий танец, к которому переходит музыка, сглаживает впечатление о досадной неловкости.

В зале зажигают все свечи. Один из гостей напоследок предлагает танец с кубками в руках. Танцуют все, под громкую музыку в ритме полонеза: «раз – два-три – че-ты-ре», – с изящной перекличкой деревянных и струнных инструментов, возгласами труб и перезвоном колокольчиков, подражающем звону бокалов.

В вечернем небе появляется стая лебедей, и звучит чарующая песня заколдованных девушек, полная нежности и печали. «Раз – три-че-ты-ре-пять – раз-два – раз-два – три-че-ты-ре-пять». «Па – па-па-па-па-па – па-па – па-па – па-па-

па-па-па».

На сцене приковывает к себе внимание танцор в черном. Уже давно он ведёт себя так, как будто знает всех, и все знают его. Играет роль лучшего и преданного друга принца. А теперь указывает подвыпившим гостям на птиц, предлагая славную охоту.

В древнем предании зло воплощал образ страшного филина, владельца сказочного озера, заколдовавший девушек в лебедей. Краснов этого не знал, и, видя выделяющихся на фоне кордебалета принца в белом и танцора в чёрном, придумал себе то, что было ему понятнее. Видел он белое и чёрное. Понятны ему были двойственность человеческого сознания, одновременный зов крови и души, вершимые одними руками добро и зло.

Чёрный танцор, то и дело обращающийся к принцу, и танцующий не хуже, а даже искуснее Зигфрида, – это «альтер эго» принца. Так понял Краснов чёрного человека, и это понятие будто подтвердили ему трепетно взволнованные аккорды струнных инструментов в концовке вечеринки.

На сцену упал занавес и почти сразу, не давая зрителям привыкнуть к наступившей гулкой тишине, медленно поднялся, открывая фантастический мир грёз с минимумом декораций.

Яркий месяц осветил скалы и озеро, по которому, под соло гобоя, трогательно выводящего лебединую песню, поплыли в танце прекрасные птицы, первая – с короной.

В мелодичное «раз – три-че-ты-ре-пять – раз-два – раз-два и три-че-ты-ре-пять» постепенно вкрапляется драматическое звучание. Оно нарастает оркестровой мощью, и вот уже точно порывы бури налетают на тихое озеро. Несколько раз ветер кружит вокруг него со всей силой и плавно сбавляет свою прыть, почти стихает, словно находит тайну, которую искал.

На берегу озера появляются Зигфрид с друзьями. Они видят стаю птиц, которые быстро скрываются. Из развалин к принцу выходит принцесса Одетта, умоляя его не стрелять в лебедей. Её танец сопровождает нежная мелодия гобоя. Он рассказывает юноше печальную повесть про то, как волей злого гения она с подругами была превращена в птиц. Ночью, когда их никто не видит, они могут обернуться девушками и помечтать о любви, беззаветной, не знающей колебаний, готовой на жертвы, которая только и может победить чары их господина.

Гобою ласково отвечает, утешая, виолончель. Принц помогает танцу девушки, он поражен её красотой.

Колдун подслушивает разговор принцессы и принца. Над парой пролетает зловещая тень, взволнованную музыку рассказа-вальса прерывают аккорды труб и тромбонов. Но семя любви уже упало на благодатную почву и прорастает надеждами. Оркестр играет пылкое расставание.

Вереница лебедей окружает Одетту под трепетно беспокойную музыку. Здесь же Зигфрид, исполненный при-

знательности. «Перестаньте, он добрый», «Успокойся, рыцарь», – отвечает она им и принцу в танце, снова под соло гобоя, продолжая свою мольбу.

За ней танцуют лебеди-подруги, соло и группой. Вальс открывает эти танцы и проходит по ним рефреном: «Раз – раз-два-три – раз», «раз-два-три – раз-два-три».

Общий вальс сменяет игривый танец принцессы лебедей под мелодию скрипок, затем флейт.

И «раз – раз-два-три – раз» – повторение вальса.

Потом – танец маленьких лебедей. «Па-па-па-па – па-па – па-па», – наивно грациозный, под трогательно простую музыку двух гобоев, поддержанных аккомпанементом фагота.

Прозрачные аккорды арфы открывают любовный дуэт Одетты и Зигфрида. Скрипка и искренний танец передают робость и одушевление влюблённых. Звучат отрывистые, трепещущие звуки гобоев и кларнетов. Забирающая главенство виолончель, танец Зигфрида, вторящие им певучая скрипка и танец Одетты – понятная без слов песня любви расцветает всё ярче.

Снова общий танец – новое, седьмое проведение вальса в усиленном звучании. И после оживленной коды возвращение тревожной лебединой песни: «Па – па-па-па-па-па – па-па – па-па – па-па-па-па-па».

Чувство к Одетте всё больше овладевает принцем. Под гром труб он клянётся ей в вечной любви. Принцесса пытается его остановить, ведь если он нарушит клятву, она с по-

другами навеки останется во власти чародея! Но Зигфрид уверен в себе.

Драматизм музыки нарастает, воспроизводя эпизод встречи влюблённых. Танцор в чёрном кружит вокруг пары. Аккорды труб и тромбонов прорываются сквозь мощь оркестра.

Наступает час прощанья. Над лебедями, уплывающими по озеру, нависает зловещая тень филина. Стихая, звучат лебединая песня и вторящие ей тромбоны. Занавес опускается.

Теперь всё, что построил Чайковский на явной и обратной сторонах мира, готово к решительному действию.

***

Красновы, как и многие другие зрители, не сразу переключились на антракт и некоторое время продолжали сидеть в своих креслах при ярком свете. Самые продвинутые уже убежали в буфеты, когда Краснова заговорила о вкусненьком.

Она не хотела вставать на припухшие в босоножках ноги. Краснов не хотел идти один. Всё-таки встали и пошли вдвоём.

Потолкавшись в общем потоке, они выбрались из зала на лестницу, которая при внимательном рассмотрении оказалась не совсем белой: перила белые, а мраморные ступени серые, с тёмно-зелёными волнистыми прожилками. Краснова вцепилась руками в перила на верхней площадке, рядом с жёлтой ногой светильника-канделябра, и сказала, что в бо-

соножках дальше не пойдёт, а «шлёпки» из сумки доставать не будет.

Буфеты под Красновыми видны как на ладони. Оголодавших от музыки зрителей набралось туда порядочно.

Колоритная толстуха в красном платье, среднего возраста, с пухлыми, «в завязочках», как у младенцев, ручками и ножками, передала через головы очередников две бутылки шампанского и поднос с пирожными. Расплатившись красной бумагой с Хабаровском, принялась высокой грудью торить дорогу к столику, занятому подругами.

Краснов попробовал разглядеть с высоты, есть ли на прилавках бутерброды с чёрной икрой и качественной копчёной колбасой, которые помнились ему по старым московским театральным буфетам, – не увидел.

– Давай без мороженого обойдёмся, – сказал он супруге. – Надо было раньше очередь занимать. Не успели.

– Было бы удивительно, если бы ты успел, – больше по инерции, чем с обидой, ответила Краснова.

– Можем погулять по фойе, – предложил Краснов. – Посмотрим, чего ещё интересного тут понаделали.

– Иди один. Я не ходок. Я тебя здесь подожду.

Краснов спустился по лестнице. Стены фойе на всех уровнях были выкрашены в оранжевый цвет. Окна на улицу завешаны прозрачными занавесями. Белые стеночки ограждений расписаны золотыми узорами.

Самые высокие стены и скругленные вверху окна – на пер-

вом этаже. На стенах картины в тяжёлых золочёных рамах. Перед выходом из театра —торгующий книгами рыжий коробейник с острым взглядом. Скорее скучает, чем торгует, – редко, кто подходит к его заботливо разложенному на лотках богатству.

Обойдя фойе, Краснов поднялся к супруге, и они вернулись в полупустой зал. Краснова расстегнула ремешки на босоножках, освободила ноги и с удовольствием устроилась в кресле. Краснов повертел головой по сторонам, наблюдая. Супруга видела то же, что и супруг, не поворачивая головы.

От холодной чопорности принцессы из первого ряда бенуара осталась только гордая осанка. Повернувшись лицом к маме и тётушкам, она участвовала в оживлённом разговоре и смеялась вместе со всеми, потряхивая завитыми локонами. О чём они говорили, было не слышно, слишком далеко.

Небритый парень в пиджаке с нашитыми на локти заплатами, стоя в проходе, разговаривал по телефону, договариваясь о встрече с потенциальным покупателем. Он жестикулировал, добавляя своим словам убедительности, как будто собеседник мог видеть его жесты. Из кресла к нему тянулась девушка с розой, свободной рукой дергая за полу пиджака и пытаясь подсказывать. Парень стоял не далеко, и Краснов слышал его слова, подтверждавшие предположение о том, что парень с девушкой работают в одном офисе.

Справа от Красновых расположилась пожилая пара с крупной девочкой-подростком, догонявшей фигурой и ве-

сом маму с папой, которых Краснов посчитал сначала за бабушку и дедушку. Соседей было хорошо слышно, хотя они говорили вполголоса и в сторону сцены. Мужчина был из тех, что всегда ищут и находят возможность получать желаемое за символическую плату. Он собирался прокатиться по Волге и рассказывал своим дамам про обязанных ему людей, через которых дёшево получит каюту на теплоходе. Обсуждалось, удастся ли им пристроиться туда втроём или лучше не тесниться и отдохнуть одному отцу семейства.

– Всё-таки чувствуется провинциальность, – сказал Краснов, которому хотелось поговорить о балете.

Супруга не поняла, и он добавил:

– Танцуют не всегда синхронно. То ли не проснулись, что странно для вечера, то ли не дорепетировали. Или мне показалось?

– Сбивались несколько раз, – подтвердила Краснова. – Принц однажды чуть не упал. Мне показалось, что он подвернул ступню и хромал.

– Да? Я и смотрю, что его черный визави танцует лучше.

– Этот в чёрном, хоть и меньше ростом, но заслуженный артист. Единственный среди танцоров, – сказала Краснова. – А принц не заслуженный.

– Ты откуда знаешь?

– Услышала, пока тебя ждала.

– А маленький, в шутовском костюме? Тоже здорово танцует.

– Ну да, не хуже чёрного.

– А ты обратила внимание, что лебеди чётко делятся на две группы по росту: высокие и маленькие? И каждая старается танцевать со своими.

– Конечно, заметила.

Наблюдательную супругу, как всегда, не удивишь.

– Зато оркестр здорово играет, – поделился Краснов. – Пусть мне медведь на ухо наступил, но музыка здорово волнует. Очень хорошая. Правда?

Супруга согласно кивнула.

– Мне ещё декорации нравятся. Понятно, что замок логично нарисовать похожим на театр. Та же поднимающаяся лестница в центре. Вазы с цветами. Подсвечники. Но и озеро с развалинами, месяц, лунный свет сквозь высокие облака – ничего лишнего, просто и красиво, как во сне.

Супруга кивнула ещё раз. Поощрённый Краснов довольно замолчал. По залу прошелестела прозрачная мелодия с колокольчиками, объявили третий звонок.

4 Апофеоз

Занавес поднялся, открыв уже знакомый зрителям средневековый замок с чертами местного театра. Начался бал, на котором Зигфриду предстояло выбрать невесту.

Под праздничную музыку в ритме марша на сцену торжественно выходят принцессы, принц и их свиты.

Начинаются танцы. Полнозвучие оркестра сопровождает общий танец кордебалета. В средней его части под остроумную игру тембров танцуют карлики, в том числе самый маленький и заводной, понравившийся Красновым.

Трубы возвещают прибытие новых гостей. Тихие аккорды повторяют шаги. Вступают фанфары, за которыми льётся мелодичный вальс невест: «Па-ам – пам-пам-пам-пам – па-ам – пам-пам-пам-пам».

Вальс дважды прерывают трубы – в знак прибытия новых приглашённых. В последнем проведении вальса танцуют все, не обращая внимание на ноты сумрачности и тревоги, которые вносят медные инструменты: «Па-ра-па-ра-па – па-ра-па – Та-та-там».

Королева подает принцу знак, и он подходит к матери. Преобразившаяся мелодия вальса невест передаёт их беседу. Мать ласково спрашивает сына, какая девушка ему понравилась. Принц равнодушен, его ответы пусты, иногда резки, он в думах об Одетте.

Трубят трубы, и появляется черный граф со своей дочерью Одиллией в образе принцессы лебедей, которую возжелал принц. Оркестр играет взволнованный речитатив с роковым мотивом. Заворожённый Зигфрид восторженно приветствует гостью в чёрной лебединой пачке, не видя и не слыша никого, кроме неё. На фоне струнных инструментов набирает драматичную силу и звучит лебединая песня. Она усиливается в голове Краснова, ложась на запомненный им мотив, учащает сердцебиение и тянет из глубин подсознания страх перед возможным ударом судьбы.

За замком на сцене мелькает обманутая Одетта. Она порывается бежать, делает пару шагов, ещё шаг, ещё – останавливается, склоняя в отчаянье голову, и исчезает…

На сцене – танец шести. Одиллия кокетничает перед принцем. Он следует за ней. Предстоящие представления иноземных гостей принц будет смотреть со всей подобающей царским персонам учтивостью, но никто из заморских принцесс уже не сможет поколебать его выбор.

Иноземные танцы начинает венгерский «Чардаш»: минорная патетическая первая часть и бойкая, жизнерадостная, с бегущими быстрее и быстрее ритмами – вторая.

В русском танце скрипка долго и мечтательно грустит, поднимаясь к самым высоким нотам, потом через силу начинает трудиться, осторожно поддерживаемая оркестром. Наконец, результат работы становится ей виден, дело спорится, и под дружные аплодисменты оркестра скрипичный смычок

виртуозно радуется жизни.

Звонко щёлкают кастаньеты— это горячие испанцы танцуют в ритме «болеро». За ними итальянцы: «Па-ра-па-ра – па-ра-па – па», – старательный корнет рисует мелодию старой неаполитанской песенки, которую сменяет энергичное звучание оркестра в праздничном кружении тарантеллы.

Пятый танец – мазурка. Горделивая польская душа раскрывается в воинственных притоптываниях и в прозрачной лирической мелодии средней части, тонко выписанной двумя кларнетами на фоне струнных инструментов.

Королева внимательно наблюдает за принцем. Материнское сердце радуется: её сын влюблён.

Принц берёт Одиллию за руку и ведёт девушку на тур вальса. Танцуя и всё больше увлекаясь, он целует ей руку. Неотступно следующий за ними чёрный граф соединяет руки молодых. Королева объявляет Одиллию невестой принца. Тревожно бьют литавры, вальс переходит в проигрыш ожидания.

В этот момент рука невесты ускользает из руки жениха, его взор проясняется: он видит перед собой чёрную лебедь.

Принц понимает, что стал жертвой обмана. Клятва Одетте нарушена. Его любимой никогда не освободиться от чар колдуна.

Набирает силу и громко звучит лебединая песня, почти добираясь до апофеоза и заставляя волноваться внимательных зрителей. Как слепой, принц кружит по залу, пытаясь

вырваться из замка к поникшему вдалеке белому лебедю. Наконец, это ему удаётся. Зигфрид спешит, надеясь поправить непоправимое. Оркестр завершает песню торжественными восклицаниями о свершившемся приговоре судьбы…

На сцене смена декораций. Ночь. Пустынный берег озера. Развалины и скалы вдали.

В жёлтом лунном свечении, под мягкие напевы разных оркестровых групп и переборы струн арфы, девушки-лебеди ждут пропавшую Одетту.

Постепенно музыка ожидания становится беспокойной. Девушки томятся. Куда же подевалась подруга? Беспокойство лебедей отражает мотив дурного предчувствия.

Они пробуют развлечь себя танцами. Звучат задушевные русские мелодии, прерываемые напевом гобоя и восклицаниями оркестра. Малорослая лебединая группа повторяет движения высоких лебедей, словно учится у них танцевать.

Спокойные танцы прерывает вбегающая Одетта с известием об измене Зигфрида. Несчастная, она кружит в такт убыстряющемуся ритму, жестами излагая подругам трагические подробности. Девушки собираются вокруг неё, плавно переступают на пуантах и бегущей волной перебирают руками над головой принцессы, словно закрывают её своими крыльями. Ласковая музыка пытается всех успокоить.

«Но я люблю его!»

«Бедная!»

«Ой, он идёт! Улетим скорее!»

«Он?» – Одетта бежит к развалинам, потом останавливается и разворачивается в сторону принца. – «Я хочу увидеть его на прощание!»

Тревожно бьют барабаны. Вступают трубы.

Месяц меркнет за облаками. Сильные порывы ветра возвещают одновременное появление чёрного властелина и белого принца.

Оркестр звучит всё решительнее и требовательнее, накатывая мощными волнами. Барабанная дробь усиливается до грома, рассыпается и, после ударов литавр и дующих в полную силу медных инструментов, появляется вновь, дрожа на негромком беспокойном уровне, поддерживая медленно замирающую тревогу.

Под мелодию лебединой песни Зигфрид в смятении подходит в Одетте, моля её о прощении. Скорбь, отчаяние и смятение чувств героев выливаются в страстный танец с возбуждёнными стремительными движениями.

Но радость свидания недолга. Злой гений тут как тут. Он кличет смерть. Музыка разгоняется, спешит, поднимается выше и выше.

Одетта прощается с Зигфридом: она должна умереть прежде, чем утро превратит её в лебедя. Принц решает умереть вместе с ней.

Филин в ярости – жертва во имя любви означает и его неминуемую смерть. Он пытается разлучить влюблённых, насылая на них яростную бурю. Бьют барабаны, оркестр иг-

рает с невероятной экспрессией. Свирепые вихри подымают огромные волны. Озеро выходит из берегов.

Но стихия не способна победить. «Раз – три-че-ты-ре-пять – раз-два – раз-два и три-че-ты-ре-пять!» – лебединая песня набирает обороты и звучит во всю силу любви, разрывая сердца, смиряя бурю и поднимая дух на небывалую высоту. Не выпуская рук друг друга, Зигфрид и Одетта бросаются с вершины скалы в пучину. Чёрный танцор падает замертво…

В апофеозе Одетту с принцем встречает подводный свет сияющего царства. Песня лебедя преображается в светлый гимн любви, утверждающий её неизбежную победу. Преображение начинается с перебора струн волшебницы-арфы, к которой прислушиваются чуткие скрипки. С первыми скрипками поочерёдно соединяются остальные, повторяя простую мелодию и переводя её на новые высокие уровни. Рефреном идут тяжелые праздничные аккорды. Бьют литавры. Трубят трубы. Наконец, все инструменты выстраиваются в единое целое и дружно вытягивают самую торжественную ноту. Когда она замирает, сказочные декорации уезжают со сцены, и в зале включают приглушённый свет.

***

Женский голос, объявлявший звонки и рассказавший перед представлением о других спектаклях театра в честь 175-летия со дня рождения Петра Ильича Чайковского, просит зрителей вместе с театральной труппой почтить память од-

ной из лучших исполнительниц роли Одетты – Майи Михайловны Плисецкой.

На сцене оживает экран проектора, а на нём чёрно-белое кино с кружащей и неповторимо перебирающей лебедиными руками Одеттой, которую нашла любовь.

Ещё не отдышавшиеся танцоры провинциального театра с жёлтыми розами в руках по очереди поднимаются на сцену и кладут цветы перед экраном с танцующей «на бис» балериной. За танцорами на сцену поднимаются режиссёр, постановочно-административная группа.

Экран гаснет. В зале зажигают яркий свет. Зрители встают и вместе со стоящими на сцене артистами аплодируют ушедшей танцовщице и всем бывшим, нынешним и будущим мастерам, положившим душу на алтарь прекрасного.

Сиюминутная экзальтированность зала грешит некоторой искусственностью, но где, как не в театре, можно простить чрезмерную театральность?

Вместе во всеми Краснов хлопал в ладоши, чувствуя редкую умиротворённость. Внутри него продолжала звучать музыка. Казалось, ему открылось нечто новое и очень нужное, чего он не знал, но должен был знать обязательно.

Хотя удивление от каких бы то ни было открытий в его годы не могло быть таким же острым, как в юности, забытое чувство вкуса жизни слегка кружило голову. Надо же, как получалось. Он уже решил, что постарел. А вот поди ж ты. Как сладко и легко на душе. И хочется это сладкое осмыс-

лить. Не получается пока, путается, но хочется.

***

– Помнишь, ты мне рассказывала, что видела молодую Плисецкую в «Лебедином озере»? – спросил Краснов у мамы за вечерним чаем.

Супруги Красновы отвечали на расспросы хозяйки, устроившись вместе с ней на маленькой кухне, и им было непривычно не тесно втроём.

– Я не забыл, как ты ходила в театр, когда я был маленький, а меня с собой не брала, – продолжал Краснов. – Между прочим, мне это было обидно. А из имён, которые ты называла, я запомнил Плисецкую. Теперь можно сказать, что справедливость восторжествовала. Мы тоже видели молодую Плисецкую.

– Ребята хорошо танцевали? – спросила мама.

– Вторую половину очень хорошо. Слаженно, синхронно, с чувством. Будто на одном дыхании. Мы даже удивились, как хорошо они двигались в сравнении с первым отделении.

– Да, до антракта они сбивались. – вставила Краснова. – Мне показалось, что принц после одного прыжка подвернул ногу. Володя этого момента не видел. Витал в своих эмпиреях. Критиковал всех свысока. Пенял танцорам за провинциализм… Вы не знали, каким великим он бывает? Да Вы что?! Бывает-бывает! Великий Владимир!

– Зато оркестр играл безупречно, – перебил Краснов. – Во всяком случае, для такого профана, как я, всё казалось

чудесным. Музыка до сих пор в голове.

– Ну, конечно, – оживилась мама. – Чайковский! Прекрасная музыка!

Бабушка ободрилась, в её глубоких глазах блеснул огонёк, как у молодой, но порыв не сложился; выпрямленная была спина обмякла, нижняя губа старчески задрожала, уколов сына жалостью.

– Надо было тебе пойти с нами. Зря отказалась, – сказал Краснов.

– Нет, сынок. Я отходилась. Хватит.

Его мама быстро превращалась в старушку и всё чаще повторяла, что ей больше ничего не надо. Слышать это Краснову было невыносимо тяжело не только в силу сыновьих чувств. Эти же слова в пылу ссор со страшным надрывом бросала в него супруга, почти воя по себе, пропащей и никому не нужной.

Обычно тяжесть грустных воспоминаний дышала на Краснова мраком абсолютной тьмы и молчания, парализуя речь, но сегодня, после спектакля, мрак потрескался, и Краснову хотелось поговорить.

– Чайковский совсем не прост, – обернулся он к балету. – Он столько смыслов обыгрывает, на любой вкус! Тема любви просто поражает! Вечная и беспроигрышная для русского тема. Из неё проистекает наше всё.

– Как-то я осторожно всегда относился к искусству и зря – сильная штука! – продолжал он. – Если оно, конечно, насто-

ящее. Любой закоренелый технарь при встрече с настоящим снимет шляпу, понимая приоритеты.

– Когда-то давно я прочитал книжку такого корифея науки, как академик Пётр Капица, в которой он представлял искусство показателем цивилизационного развития. Смысл его рассуждения был примерно следующим. Производство всяких товаров и технических устройств, облегчающих нашу жизнь, не может быть её главной целью. Да, нам надо есть, во что-то одеваться, где-то жить, мы любим развлечения и разные, часто не нужные, игрушки. Большинство людей во все времена были заняты тем, чтобы обеспечить свои нужды. Но в народной памяти остались не они, а творцы высокодуховных произведений. И цивилизационная оценка культур и стран всегда шла и идёт по творческим достижениям, в котором у искусства главенствующая роль. Польза от всей нашей техники и достижений науки может оказаться сопоставимой с пользой от какой-нибудь одной книжки или музыкальной пьесы. Сегодня мне Чайковский очень хорошо это показал, до мурашек по коже.

Краснов подхватился и пошёл в соседнюю комнату, где со школьных его времён висели две книжные полки с книгами.

– Слог, конечно, «совковый», времён исторического материализма, – вернулся он, довольно листая старую книжку. – Но если на форму не обращать внимание, то вполне можно к нему прислушаться. Сейчас быстренько пробежимся, по-

пробуем найти про искусство.

Краснов принялся увлечённо зачитывать куски текста.

– Наиболее значительным следствием использования достижений науки и техники в промышленности является высокая производительность труда. Физический труд человека заменяется работой, производимой двигателями. Всё больше используется автоматика, работа рабочего сводится к кнопочному управлению двигателями.

– Происходящий рост общественного богатства за счет высокой производительности труда, развитие производства для массового потребления приводят к необычайному росту дохода на душу населения. Если в некоторых странах и наблюдается безработица и бедность, то это надо отнести за счет несовершенства социальной структуры и не связывать с экономическими возможностями страны.

– В наиболее промышленно развитых странах быстро растет достаток у населения, но у массы людей происходит падение духовных и общественных запросов. Особенно неумело использует досуг и достаток та молодёжь, у которой отсутствуют культурные интересы. Юноши и девушки, достигнув зрелого возраста, быстро пресыщаются спортивными и эстрадными зрелищами. На пути секса тоже нет преград. При большом достатке появляется изобилие всякого рода «железяк» (gadgets), но удовольствие от их примитивного использования также быстро притупляется. При этом отсутствует необходимость борьбы за существование, и всё это приводит

к тому, что молодёжь не имеет задач, решая которые могла бы развивать свои силы и волю.

– Когда-то религия давала общественной деятельности человека идейную направленность, но теперь большинству ясна примитивность доктрин, лежащих в основе верований, поэтому сейчас они могут удовлетворять только небольшую часть общества.

– Оказалось, что современное общество пока не подготовлено, чтобы с пользой для себя употребить тот материальный достаток и тот досуг, которые дала ему научно-техническая революция. Уже сейчас наблюдаются признаки деградации общества в наиболее развитых странах. Некоторые исследователи не видят выхода из положения и приходят к заключению, что в этом процессе может быть заложен конечный цикл современной цивилизации и ее гибель.

– Выход из положения можно искать в двух противоположных направлениях. Первое, ярко описанное Хаксли в его утопии, – это удовлетворение у широких масс только наиболее примитивных потребностей животного характера, воспитание у них с детства безразличия к духовным и социальным проблемам. Другой путь прямо противоположен – это воспитание в людях высоких духовных запросов. Для этого надо дать всем и прежде всего молодёжи смысл существования, привить интерес к решению социальных проблем, воспитывать духовные качества, необходимые для восприятия науки и искусства.

– Наиболее удовлетворены своей работой люди творческого труда: учёные, писатели, художники, артисты, режиссеры и пр. Некоторые утописты давно предсказывали, что в будущем каждый гражданин будет часть своего времени тратить на выполнение интересной работы творческого характера. Правда, жизненный опыт показывает, что для полезной работы в области науки и искусства нужен талант, и лишь небольшой процент людей имеет достаточно природных дарований, чтобы быть успешными учёными, конструкторами, художниками, писателями, артистами и пр.

– Так, про искусство, которое есть главная общественная цель, не нашёл, – захлопнул Краснов книгу академика. – Жаль. Где-то было. Впрочем, не важно. Это мы один только смысл вывели. Есть и другие.

– Иноземцы, например. Вечно дурят, обещая райскую жизнь по своим порядкам. А русские люди вроде бы умные, на посулы не покупаются, верят не в райскую заморскую жизнь, а в небесные подсказки. Но различить подсказки правильно не умеют. Подсунут чародеи упаковку того, что мы ждём, и забирают нас с потрохами!

«При чём тут Россия?» – Краснов замолчал, поймав себя на том, что говорит не о том, о чём хочет. Неужели равняется на квакеров, замучивших все телевизионные каналы? «Россия! Россия!» А чего Россия? Понятно, что в мире идёт информационная война. Понятно, что государство должно защищаться. Только вместо дела одни слова, как обычно, на-

мерения да заученные кудахтанья. При чём тут патриотизм? Голову только морочат…

Краснов понёс книжку Капицы обратно и некоторое время побыл один в своей старой комнате, устало уставившись в тёмное окно.

Светящиеся окна в соседнем доме. Свет фар от машин. Свет от ночных фонарей…

Вдруг показалось, он увидел то, о чём не смог говорить, – белое и чёрное, что есть в каждом. Он вспомнил, как на спектакле понял чёрного человека обратной стороной белого принца. Этот конфликт, подсознательная борьба добра со злом, – зачем они даны человеку? Когда человек в ладу с миром, он может любить и прощать. Но почему внутренняя гармония нарушается? И почему она нарушается так часто?..

И по себе, и по другим людям Краснов видел, что жить можно как любя людей, так и презирая их. Второе часто кажется проще. Даже если взять их отношения с супругой: сколько раз после скандала и бессонной ночи в их чумных головах вертелась мысль о простом решении? Теперь он понял, что останавливало от простого решения его.

Эта лебединая песня, которую он слышал, – она прекрасна. Она ему нужна. А выбрал бы он простое решение – мог её и не расслышать.

И тут, словно в награду, внутренний голос, стараясь походить на нежный гобой, напел ему красивую мелодию: «Раз – три-че-ты-ре-пять – раз-два – раз-два и три-че-ты-ре-

пять!», – окрыляя душу.

***

Рассуждения Краснова временно сплотили свекровь и невестку на почве общего взгляда на мужчин, любящих заниматься сущей ерундой. Разговорившегося сына и мужа они слушали свысока. Иногда невестка показывала мимикой: «Я же Вам говорила!», – и свекровь отвечала ей на том же языке. Впрочем, если не вдумываться в мужской монолог, он казался довольно складным, и мама поэтому немножко погордилась про себя умным сыном, да и супругу Краснова согрело то, что муж её хотя бы не дурак.

– С Володей в школе у меня никогда проблем не было. Он хорошо учился, – в очередной раз рассказала свекровь. – И по математике, и по русскому. Сочинения хорошие писал. Я даже храню одно: «Волга трудовая». О том, как всякие пароходы с утра до ночи возят грузы и делают разную работу, а река им в этом помогает, потому что природа всегда помогает тем, кто трудится… Я знала, что из него получится толк. Не думала, правда, что он пойдёт по технической части. Чувствую, что не совсем ему это по душе. Но какие у нас были другие возможности?

– По душе, не по душе… Оставьте! – махнула рукой Краснова. – Где деньги платят, там и работаем. Платят ему прилично. Пусть дорабатывает до пенсии.

– Опять мама про сочинение рассказывала? – весело спросил вернувшийся Краснов.

– Да ты знаешь, полдня сегодня его проискала, хотела дать вам почитать, – не смогла найти. Недавно бумажки перебирала. Неужели выбросила с ненужными? Не должна была. Надо ещё поискать. Уж так хорошо у тебя там все работают вместе с Волгой!

– Не у меня. У нас с тобой! Ты же мне помогала писать! Можно сказать, над душой стояла.

– Неправда! – обиделась мама. – Про Волгу ты сам писал. Прибегал только, спрашивал, как будет лучше, так или этак.

– Ну, пусть сам… Даже не верится, что когда-то река была рабочей… Вот времечко настало! Как живём? На что?

Ночью Краснов долго не мог заснуть. Супруга попросила сдвинуть тюль с части окна, чтобы в форточку шёл свежий воздух, и в открытое в этом месте стекло в комнату заглядывал жёлтый месяц, похожий на театральный. А ещё Краснова не покинули думы о белом и чёрном, в которые вносили беспокойную лепту разрозненные кусочки вальсов, торжественных проигрышей, накатывающей мощи оркестра с ударами литавр и барабанным боем судьбы. И среди всего этого беспорядка, иногда чётко различимая, а иногда еле слышная в общем хоре: «Раз – три-че-ты-ре-пять – раз-два – раз-два и три-че-ты-ре-пять!» – тревожная и зовущая лебединая песенка, волнующий гимн ожидания всепобеждающей любви…

Обычно Краснов засыпал быстро, проваливаясь в небытие до утра. Ночи без сна были для него событием. Ещё

и по этой причине ему помнились скандалы с супругой, что после них он не мог спать. Но та его бессонница была другой. Там он лежал в постели один, мёрз, мучился от сказанного и услышанного от доброго человека, ставшего вдруг злым, и многое ненавидел. Сегодня же он не один, ему не холодно, а ночь нисколько не мешает думать, напротив, добавляет мыслям загадочности и величия.

Краснова, посапывая, лежала на спине. Мужчина тронул её рукой, словно хотел убедиться, что жена рядом. Рука скользнула по бедру и упала на простыню. Потревоженная женщина повернулась, почти легла на руку мужа горячим животом и отпрянула, пробормотав спросонья, что он сошёл с ума, и чтобы тут к ней не лез.

Ночное бдение между тем рождало новые мысли, и все они, без исключения, казались мужчине очень важными, почти открытиями.

Он уже удивлялся общему источнику народных сказаний и размышлял о национальном колорите, о заколдованных царевне-лягушке в русских сказках, о принцессе-лебеде в мифах о Нибелунгах и о любви, освобождённой от сиюминутных желаний.

Он жалел Зигфрида, не различившего в любовном томлении тёмную силу и позволившего ей управлять его страстями.

Мысленно рисовал в темноте силуэт Чайковского и сопереживал борющемуся за любовь композитору, чувствуя

к нему душевную близость.

Величие духа Петра Ильича, обеспечившее людям «одной крови» возможность взлететь за лидером в манящее бесконечное сияние, уже не казалось Краснову чудом. Выполненная мастером работа, успешный титанический труд, объём которого трудно было себе вообразить, – вот что его восхищало. А популярные слухи о личной жизни композитора, поддерживаемые отворотом общества от семейных ценностей, представлялись пустыми попытками порочных людей оправдать собственные грехи.

Всё вместе взятое снова и снова приводило Краснова к размышлениям о тёмной силе, пытающейся управлять людьми. Сомневаться в её существовании, как и в выборе надёжного оружия защиты, можно было, только не слушая ни древних сказочников, ни современных мыслителей, ни своих предков. Но где источник этой силы, кто управляет конкретным злом: накопленная в земной ноосфере человеческая жестокость, самоорганизовавшаяся случайным образом, или нечто непостижимое, завёрнутое в понятие сатаны? – вот что было ему интересно.

Ещё он думал о том, что в древности только единицы способны были осознать себя в конфликте добра со злом и, подчинившись могущественной приземлённой силе, стать великими и ужасными искусителями и властителями, оставив страшную память о себе в народных преданиях. Во времена Чайковского осознавали себя многие и многие выбира-

ли сторону зла, но множественность делала их слабее древних злодеев, и сто лет спустя их не только не боятся, но почти позабыли. А сегодня почти каждый способен поиграть со злом, но кто надолго испугается солдат-одиночек? Однако, что будет, если позволить солдатам объединиться? И каким считать земное зло в итоге: слабеющим или усиливающимся со временем?

Проворочавшись полночи без сна, проснулся Краснов на удивление бодрым. Его ночные мысли в утреннем свете потеряли ореол великих открытий. Помнилось только, как он забылся перед рассветом под тревожно-сладостный мотив лебединой песни, до последнего выбирая возможный источник земного зла и пытаясь понять, слабеет оно или, напротив, крепнет?

До отъезда домой у супругов оставалось всего пара дней, прогноз погоды обещал усиление ветра, облачность и возможный дождь, поэтому вместо рыбалки Красновы запланировали на сегодня прогулку по городу.

Добросовестно пройдя знакомыми путями через парк Аркадия, они перешли канал, узкими центральными улочками поднялись к белокаменному Кремлю и, обходя его широкой Ленинской площадью, знаменитой фонтанами, голубыми елями и строгими сталинскими пятиэтажными домами с островерхими башенками по краям и узкими балкончиками с железными прутьями по фасаду, вышли к протяжённому овальному пруду, окружённому асфальтовыми дорожка-

ми с новыми скамеечками и травяными склонами, упиравшимися у воды в бетонный парапет, облагороженный модной плиткой. Водная гладь предназначалась белым птицам, гордо несущим свои маленькие головки на грациозно вопрошающих шеях, по какой причине пруд прозвали Лебединым озером. Когда-то в центре озера плавала избушка с деревянными мостками, а закругления склонов прятались под сенью плакучих ив. Теперь место вырубленных деревьев занимали чахлые кустики, а вместо избушки был белый квадратный островок, уходящий со всех четырёх сторон в воду мелкими ступеньками пирамиды. В центре искусственного острова стройные античные колонны держали круглую крышу, по углам расположились вазоны с цветами.

Порядочно прошагавшие Красновы устали, сели передохнуть.

Они выбрали скамеечку, прикрытую от порывов ветра со стороны Волги планетарием – одноэтажным сталинским зданием, недавно перестроенным, с высокими арочными окнами, смотровой площадкой с частыми белокаменными столбиками ограждения на плоской крыше и куполом на белых колоннах, как на лебедином островке, но больше размером.

Как и было обещано синоптиками, к полудню солнце скрылось за высокими облаками, а ветер не на шутку разгулялся, будоража укромную поверхность тёмного озера невысокой рябью.

С подветренной стороны искусственного острова плавал одинокий лебедь. Ещё один спал у колонн, свернувшись. Сколько не высматривал Краснов, других благородных птиц на озере не заметил – не считать же за них жмущихся к берегам вездесущих уток? Обшарив озеро, он поднял взгляд выше и упёрся в строгие строения, завершающие ряд домов-хранителей Ленинской площади.

Ближняя к площади пятиэтажка нарядно блестела обновлённой серой двускатной крышей, новыми окошками и свежеокрашенными жёлтыми стенами. Соседнее с ней здание скучно потупилось в ожидании ремонта: кровля с отдельными надорванными и загнутыми ветром железными листами потемнела, многие окна стеснялись своих прогнивших рам и мутных стёкол, обесцвеченные временем стены просились в руки маляров, бетонные основания некоторых балкончиков осыпались, обнажив арматуру.

Неотремонтированное здание и пустынное, с двумя лебедями, озеро навевали грусть. Краснов слышал от мамы, что лебедей стало меньше, но не думал, что до такой степени. Он помнил другое время, когда птиц на озере было много. Попарно их было легко сосчитать, и редко, когда Краснов не насчитывал десяти.

За озером гудела оживлённая трасса, в толчее которой спешили по своим делам прохожие и едущие, а здесь, на огибающих озеро дорожках, было тихо и почти безлюдно. Дометали мусор две женщины в униформе, через три скамей-

ки от них седая бродяжка с котомками кормила уличных кошек, в летней кафешке на полукруглой террасе разжигал огонь шашлычник, двое ребят под террасой гремели цепью, пристёгивая примостившихся в уголке озера больших белых и чёрных пластиковых лебедей, сработанных для катания детей. Красновы на озере были единственной парой, если не считать птиц, одна из которых держится на воде, прячась от ветра, а другая то ли тоскует, то ли ослабла.

Краснов сравнил лебедей с собой и своей супругой. Неужели ему показали то, о чём он давно догадывался? Неужели права та безобразноликая «не наша» Маша, проговорившаяся о цели своих хозяев? В его голове быстро сложился логический ряд непротиворечивых и связанных друг с другом доводов: утвердившаяся власть денег, навязанное правило получения выгоды от своих занятий, работа для извлечения прибыли, финансовая выгода единоличной жизни по сравнению с семейной, выгода жить без детей, неограниченная свобода, поиск новых удовольствий, узаконивание пороков… Семья в таком мире точно не выживет. А люди погрязнут в себялюбии и гордыни. И когда «не наши» солдаты с лицами-масками, кричащие о свободе, получат новый приказ, кто спасёт ослабевших?

Внутри мужчины заиграл, набирая силу и страсть, полюбившийся ему мотив лебединой песни. «Раз – три-че-ты-ре-пять – раз-два – раз-два и три-че-ты-ре-пять», – вот же оно, жизнеутверждающее оружие! А раз оно есть, выявлена цель

незримого противника, и известны его солдаты, то, несмотря на все потери, народная война не проиграна!..

Эх, жаль, что планетарий сегодня закрыт! Полетать бы сейчас, как в детстве, около Солнца и планет, приблизиться к галактикам, загадочным звёздным скоплениям и чёрной космической материи, а потом неспешно помечтать о земной борьбе под кружение звёздного неба над головой, представляя его настоящим…

Супруга Краснова запросилась возвращаться: и погода худилась, и натруженные накануне ноги болели. С уговорами согласилась дойти до Волги, до которой оставалось всего ничего.

Волга встретила сильными порывами ветра и редкими для реки высокими коричневыми волнами с белыми барашками, гонимыми на закованную в железобетон набережную.

К самой реке, к железному ограждению набережной, Краснова не пошла, села среди цветников в скверике около недавно возведённого памятника царю Петру Первому, которого любая власть с неослабевающей настойчивостью представляла народу спасителем Руси.

Краснов подошёл к краю набережной. Здесь стихия страшила сильнее всего. Ветер дул со свистом, порывами задирая рубашку и пытаясь сорвать кепку, которую ему приходилось держать рукой. Волны взмывали и падали с характерным штормовым гулом. Высокие облака, плотно закрывшие солнце, двигались быстро, пугая чернеющими очертаниями.

Краснов вспомнил финальную театральную бурю, когда сцену перекрыли несколькими коричневыми полотнами, дёргали их в стороны и поочерёдно приподнимали, имитируя огромные волны, а оркестр дул во все трубы и гремел литаврами и барабанами, повышая градус тревоги.

Не оставлявший его мотив лебединой песни зазвучал торжественно, во всю внутреннюю силу, будто предвидя приближение реального апофеоза.

В это время из ближайшего причального углубления послышались громкие голоса. Разговор поманил Краснова. Он подошёл и увидел сверху двух рыбаков, смотавших удочки и, судя по пустой бутылке у стены, отметивших неудачную рыбалку. Рыбаки почти вжались от ветра в самый угол причала. Один был молод, в шортах защитного цвета и полинявшей спортивной майке. Второй, в мятых штанах, старой джинсовой куртке и зелёных «шлёпках» – близкого Краснову возраста, с солидным животом и большой головой.

Молодой рыбак, которого толстяк уважительно называл Альбертом, в очередной раз убеждал товарища:

– Зачем Богу было творить зло? Я считаю, что это дело людей! Больше некому.

– Подожди, Альберт, подожди. Бог сотворил сразу всё сущее на земле, понимаешь? И зло тоже. Сразу всё было сотворено!

– Да зачем Ему было творить зло, если Он, как ты говоришь, любит жизнь и людей? В чём тут разумение?

– Провидение это, а не разумение! Это, брат, матрица. В которой должны быть предусмотрены все возможности. А человек волен выбирать, что ему делать и как поступать. Не все ведь хотят спастись. Посмотри, сколько желающих быть господами!

– Нет! Не мог Он сотворить зло, – не соглашался Альберт. – Это всё гадская людская природа!

– А мы откуда взялись со своей природой, чудак-человек? – искренно сокрушался толстяк. – Ты подумай хорошенько!

Рыбаки были столь трогательны в пьяной непосредственности, так очевидна была им обоим собственная правота и удивительны заблуждения собеседника в наиважнейшем в данный момент вопросе, что они использовали весь арсенал убеждения: от проникновенных слов в глаза до хватания за руки, артистичной жестикуляции и крепких объятий.

Альберт заметил Краснова:

– Мужик, ты как думаешь: от кого в мире зло?

Пойманный врасплох Краснов пожал плечами и, осторожно улыбаясь, сказал в своей обычной мягкой манере, словно уговаривая и остерегаясь невзначай обидеть:

– Вы бы определились сначала со злом. Всё ведь относительно. Для кого зло, а для кого, может быть, добро. Вы про какое зло? Вообще? Или про сатану?

Альберт махнул на него рукой, как на бестолкового, а толстяк уставился узкими глазками и решил объяснить:

– Мы, добрый человек, спорим, откуда взялось зло. Я говорю, что всё вокруг от Бога, а Альберт говорит, что зло – от людей.

Альберт потянул толстяка за рукав, придумав, видимо, новый довод, и тот, потеряв интерес к незнакомцу, приставил пухлый палец к губам товарища, обнял его и в приливе чувств оторвал от земли.

Краснов повернулся к реке. Опёршись крепкими руками на ограду, он во все глаза стал смотреть на волнующиеся внизу воды и слушать, как сквозь их шум пробивается рвущий душу лебединый проигрыш.

Отдельные волны выбивались из общего ритма, поднимая белые барашки особенно высоко, и рассыпались громче остальных. Волны были как люди. В выбивающихся из общего строя Краснов видел удивлявших его принцессу бенуара в смелом платье, худосочных менеджеров с розой, отрешённых от мира роллеров с косичкой. А ещё стройную женщину-куколку, пять минут назад простучавшую каблуками мимо Красновых от подъезда банка до машины, в розовой кукольной юбочке, с кукольными светлыми волосами и главной своей гордостью – кукольной талией, тонкость которой подчёркивал широкий кожаный пояс. И зарезанного в начале девяностых годов комсомольского активиста, – о чём рассказывала прикрученная к дереву стальная табличка, которую закрывала, пока не отъехала, машина русской Барби. И себя с супругой. И своих детей. И свою маму. И тётку с её

потомством. И многих других людей, родных и чужих, знакомых и позабытых, гонимых общим потоком и вроде бы пытающихся из него вырваться – редко, когда для дела, чаще для любования собой.

Ветер упорно гудел в свою дуду. Набравшая внутреннего звучания лебединая песня рвала сердце седовласого, чуть сгорбившегося большого мужчины, смиряя душевную бурю и поддерживая дух.

Словно подстёгнутые волнами, из его памяти всплыли редкие детские переживания, когда мечты о будущих жизненных успехах вдруг прерывались чем-то загадочным, томительно неопределенным и сладким одновременно, манящим в неведомую страну, где земные желания выделиться, стать известным и богатым теряли всякую привлекательность. Песня, которая была теперь на слуху у Краснова, придала тем его детским загадкам совершенно определённую форму.

Он смотрел на бурлящие воды и, как ребёнок, улавливал в их шуме приятные ему ноты. И за этим занятием не оставалось ему ничего другого, как поверить в то, что сложенный из правильных нот честный мотив непременно пробьётся сквозь земные злобу и страхи и скоро преобразится в божественный гимн, к которому прислушаются и присоединятся многие голоса, переводя светлую мелодию на новые высокие уровни. Рефреном пройдут торжествующие праздничные аккорды, ударят литавры, затрубят трубы, и не он

один, а все вокруг услышат, наконец, наяву дружную и самую торжественную победную песню любви.

24 июля 2015 года

ОТВЕТ БУХМАНУ

«Если у тебя спрошено будет: что полезнее, солнце или месяц? – ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло; а месяц – ночью.

Но, с другой стороны: солнце лучше тем, что светит и греет; а месяц только светит, и то лишь в лунную ночь!»

«Мысли и афоризмы Козьмы Пруткова»

1 Бухман

Профессор Бухман прогуливался по набережной, подставив свое лицо вытянутой формы задорному весеннему солнышку, поворачивающему с утра на день.

Зачёсанная назад поредевшая черная шевелюра открывала крепкий лоб профессора, поддавливающий сузившиеся к старости глаза, еще и прищурившиеся на солнце. Под прямым носом – круглая, чисто выбритая нижняя часть лица с длинной поперечной щелью сжатого рта, окаймленная сверху глубокой морщиной в форме правильной дуги, сбоку – узкими морщинками вдоль гладких сухих щек, снизу – мягким подбородком. Все это вместе взятое придавало старику видимую меру ума, иронии и благородной усталости

знатока многих горестей мира.

Впрочем, с подтянутой поджарой фигурой, расправленными плечами, шагая ровно и уверенно, выглядел Бухман моложе своих лет, знал об этом и любил так о себе думать, чему сегодня замечательно помогал бодрый пока морозный воздух, только-только начавший прогреваться и наполняться густыми ароматами ранней весны.

Первое марта 2015-го года выдалось как первое апреля. Обещанная по осени холодная зима получилась по факту едва ли не самой теплой. Видимая перемена сезона накладывалась на все зримее проявляющиеся с каждым годом изменения климата, словно отражая ускоряющуюся динамику жизни, за которой, как казалось профессору, он еще успешно поспешал.

Бухман не был большим любителем прогулок, хотя жил неподалеку от реки. Прогулки он считал частью пустого времяпрепровождения. Они его расслабляли, отвлекая волю от дел и путая далеко вперед намеченные планы. Думать он привык в комнатной тиши, а гулял от случая к случаю, по необходимости, когда душа погонит из дома от нахлынувшей вдруг тоски или от дрожи опустошения после работы.

Последний раз он выходил в сквер на набережной поздней осенью прошлого года, пытаясь успокоить нервы, взведенные до неприличного состояния подарком сына к приближающемуся коронному юбилею. Боря-таки попался на своих схемах с арендой муниципальной собственности и выделе-

нии участков под строительство жилья.

Бухману давно не нравился тот взгляд свысока, с каким сын объяснял ему подоплеку своих финансовых успехов, и та его убежденность, что он умело встроился в систему, постиг ее правила и неподсуден. Но всегда приходилось мириться с супругой, считавшей стремление к богатству первой обязанностью настоящего еврея и потакавшей раздобревшему сыну в пику мужу, всю жизнь относившемуся к деньгам без должного почтения, а только как к приятному атрибуту полезной деятельности.

Профессор не был моралистом и любил сына. Он допускал понимание справедливости теми мерками, которые теперь были в ходу. Но надо ведь было держать ухо востро, а нос по ветру, и не считать себя умнее всех. Особенно в том болоте проходимцев, куда Борис так смело полез. А тот факт, что он оказался под следствием, говорил о невысоких умственных способностях – вот что убивало отца больше всего.

Больше двух месяцев вместо работы голова Бухмана была занята помощью сыну. С кем только он не переговорил по этому вопросу. Реально помогли двое отучившихся у него ребят из службы безопасности и Сережа Авалов, давно знающийся с администрацией. Когда Боре разрешили вернуть в бюджет часть взятых денег, а взятку сочли недоказанной, – в душе отца наступило опустошение большее, чем после хорошей работы. Оно и выгнало его из уютной квартирки в ноябрьскую хмурь и слякоть, заставив пробираться между

грязными глубокими лужами и густо нападавшими и вымокшими до коричневого цвета листьями липы и каштана.

– Здравствуйте, Михаил Борисович! – попавшийся навстречу Володя Скачков снял вязаную перчатку и протягивал Бухману руку.

Володя был в кепке, больших черных очках, кроссовках и пальто свободного кроя, делавшего его еще меньше ростом. Маленького Скачкова Бухман видел почти всегда, когда выходил на набережную, – у того здесь были моционы по три раза в день, начиная с долгой утренней зарядки.

Бухман знал Володю лет пятьдесят, со времени закладки сквера на набережной, когда их молодой институтский люд сажал на пустынном берегу деревья, ставшие теперь городской достопримечательностью. Был Скачков из «кадрированных» офицеров, долго выслуживал года. Бухман уже лет десять, как преподавал в университете, закоренел, получил профессора, дописывал докторскую по философии, а Володя еще служил, добирая до пенсии. Потом он недолго работал на гражданке, что-то по электричеству. А теперь вот который год марширует по набережной.

Прошлой осенью Скачков собирался в Киев, проведать сына, который там жил с семьей, – его переживания за сына были очень созвучны осенним настроениям Бухмана. Профессор вспомнил о том созвучии и счел приличным приободрить старого знакомого:

– Будем, Володя, надеяться, что войну на Украине попри-

жали. Вроде бы теперь есть кому постоять за Минскими соглашениями.

– Ничего там не прижали, – сказал Скачков. – Будут воевать, пока своего не добьются.

– Ну да, перемирие хрупкое, – согласился Бухман. – Хохлы недовольны, хотят воевать. Но им теперь придется семь раз подумать, чтобы суметь обдурить Европу.

– При чем тут хохлы? – возразил Володя. – Был я зимой у сына, никто там войны не хочет. Защищаются от Путина с его бандитами, как могут.

– Так это Путин хочет войны? – удивился Бухман.

– Путин, – сказал Володя. – Пока он своего не добьется, не успокоится.

Скачков говорил тихим голосом, спокойно, убежденный в своей правоте. Смотрел он при этом мимо глаз, куда-то вдоль реки.

Бухман слишком долго жил на этом свете, чтобы во всем верить официальной пропаганде. Но столь же глупо, с его точки зрения, было доверять пропаганде противоположной стороны, выступающей, к тому же, антагонистом русских интересов. А глупость в глазах Бухмана ничто не оправдывало, даже родительская любовь.

Продолжив путь, он невольно подумал о неумолимой старости, ослабляющей все телесные возможности – и серого мозгового вещества, в том числе. Скачков всегда был здравомыслящим человеком, без тараканов в голове. Похоже, он

обленился, не утруждает голову, вот и ослаб.

В книжке про мозг, с автором которой Бухман мысленно полемизировал с Нового года, старость была представлена периодом ускоренной гибели нейронов и нарушений многих синоптических связей, резко ослабляющих возможность умственной деятельности. Бухман пока не ощущал слабости своего мозга и старался выбросить из головы думы о слабеющих разумом сверстниках, чтобы самому не отчаиваться раньше времени. Про Скачкова он тоже постарался забыть, для чего сосредоточился на заочной полемике с умным книжником.

Тот слишком вульгарно подходил к такой сложной системе, как человеческий мозг. В первом приближении этот ученый выделял в нем три одновременно функционирующие подсистемы сознания: древнюю, сформировавшуюся миллионы лет назад в результате естественного отбора и передающуюся детям от родителей; старую, результат искусственного отбора в последние сто тысяч лет в виде общественной культурной традиции, загружаемой путем воспитания и обучения в специально появившееся для этой цели пространство коры; и молодую, всего нескольких тысяч лет от роду, конкурирующую за место в том же пространстве культурного наполнения и способную путем самодеятельного творчества менять культурную традицию общества.

Утверждалось, что самые сильные и скрытые человеческие желания являются продуктом инстинктов и гормо-

нов и направлены на решение простых биологических задач: поиск пищи (денег), стремление к размножению (сексу) и доминированию (власти). Если согласиться с автором, то стремление к золотому унитазу будет не сильно отличаться от тайного духовного подвига, поскольку в обоих случаях реализуется мотив доминирования, и мозг получает заслуженный внутренний наркотик и ощущение торжества над окружающими.

Отвечающей за врожденные инстинкты древней системе мозга противостоит кора больших полушарий, хранящая социальные инстинкты, опыт и центр мышления. «Кора не способна выдавать однозначные решения, характерные для лимбической системы. В коре всегда возникает несколько вариантов поступков, которые усиливают сомнения в правильности выбора. В конечном счете это вызывает беспокойство, внутреннюю неуверенность и отказ от рассудочного поиска ответов на возникшие вопросы».

Устав искать разумный ответ, человек, по мысли автора, отдается обычно на произвол лимбической системе. Результат такого выбора всегда будет «недальновидным и эгоистичным, но самым выгодным в данный момент».

Вместе с тем, кора мозга обладает свойством дальновидности и предсказания отсроченного результата любых поступков. Ее рассудочный прогноз, сформированный вместе с памятью и ассоциативными центрами мозга, может побороть сиюминутные решения инстинктов и гормонов.

Получалось, что поведение человека зачастую противоречиво в силу объективной двойственности его сознания. В целом, «двойственность сознания может принимать чрезвычайно сложные формы и <…> приводить как к торжеству разума, так и к победе плоти. Мы не можем повлиять на <…> организацию нашего несчастного мозга. Однако понимание природы явления поможет избавиться от наивных заблуждений и бессмысленных страданий».

Гипотеза двойственности и даже тройственности сознания была не бесспорной, но заслуживала пристального внимания. Как и приведенный факт об отличии у отдельных людей больше, чем на порядок, соотношения между энергией лимбической системы и коры, вследствие чего «баланс между рассудочным и инстинктивным поведением очень индивидуален. Человек с небольшой корой и огромной лимбической системой будет чаще вести себя как эгоистичный, асоциальный и сексуально озабоченный бабуин, считая это нормой поведения. Обладатель огромного неокортекса и, как следствие, относительно небольшой лимбической системы будет чрезмерно рассудочен и рационален… Ни при каких социальных условиях два столь разных представителя человечества договориться не смогут. Любой компромисс между ними будет только передышкой перед бесконечным биологическим конфликтом».

Из других находок ученого Бухману понравились рассуждения на уровне аллегорий, сводящие конфликт между ин-

стинктами и рассудком к антагонистическим «хочу», и «надо», где под «надо» понималось соблюдение общественных правил и условностей, передающихся через подражание и научение.

Если эти правила действительно являются результатом искусственного отбора и не поддерживаются внутренними нейрохимическими механизмами, то становится понятным, когда общественные труды вместо стимуляции за правильное поведение начинают раздражать. – С того момента, когда биологические потери ограничивают энергозатраты на личные нужды. «В связи с этим творческие успехи даже у талантливого человека крайне скромны, а существование равноправных и социализированных сообществ выглядит наркотической утопией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.